

Каптерев Н.Ф., 1909 г.

Глава X. Критика церковной реформы Никона в литературных произведениях ее первых противников

Русское благочестие есть высшее и совершеннейшее в целом мире, а русские церковные книги вполне правы и не нуждаются в исправлении. Благочестие современных греков очень сомнительно, их церковные книги испорчены еретиками, почему теперь истинному благочестию нужно учиться не русским у греков, а грекам у русских. Никон, как реформатор, был еретик и слуга антихриста, в своей реформаторской деятельности он руководился личным произволом, пренебрежением к родной святой старине, гордостью и я высокоумием. Он не исправлял, а прямо заново переделывал русские старые книги. Его заверения, что он исправлял книги с древних греческих и славянских харатейных, решительно несправедливы, так как в действительности он исправлял свои книги или с новогреческих напечатанных еретиками книг, или с польских, или, если и с русских, то «с покидных» и «хромых» книг. Слабые стороны и тенденциозность критики церковной реформы Никона защитниками старины.

Никон оставил патриаршью кафедру вследствие недовольства на него государя. С падением Никона, казалось, как логически-неизбежное последствие этого факта, должна была пасть и самая произведенная им церковная реформа. Ее противники торжествовали и, по-видимому, должны были остаться победителями. Царь теперь совсем охладил к своему бывшему «собинному» другу, не желал более иметь его патриархом и, значит, царь из друга и пособника Никона, если не перешел, то легко мог перейти на сторону его противников, конечно если употребят к тому достаточные усилия. Бояре уже ранее не терпели Никона и теперь употребят все усилия окончательно уничтожить его, а вместе с ним и его дело. Крайне не любили самовластного, гордого и сурового Никона и все архиереи, которые мало разделяли его грекофильские реформаторские увлечения. Не любило Никона и все духовенство, видевшее в нем скорого и жестокого на расправу нововводителя. Не любил Никона и народ, так как видел в нем новатора, нарушителя старых верований и обычаев. Очевидно, теперь наступило для врагов церковной реформы Никона самое благоприятное время уничтожить не только самого Никона, но и все его дело, т. е. произведенную им церковную реформу. Они энергично взялись за это дело, решились разъяснить всем: царю, властям и всему обществу ту, по их мнению, несомненную истину, что произведенная Никоном реформа была незаконна, несправедлива, зловредна и прямо губительна и для церкви и для государства, почему ее следует уничтожить и немедленно возвратиться к прежним дониконовским церковным порядкам. Замечательно быстро появилась целая обширная противониконовская

литература, показавшая какими значительными и далеко недюжинными силами и средствами располагали противники церковной реформы Никона. Все сделанное Никоном в церковной сфере подверглось с их стороны самой строгой, очень придирчивой и беспощадной критике, которая выдвинула на защиту родной старины целый арсенал старо-московской учености, с прямою целью доказать и убедить всех в том, что реформа Никона, под видом исправления, в действительности только искажает и даже совсем губить православие на Руси. Много численные произведения этого рода быстро распространялись по всей Руси и всюду производили сильное впечатление на умы, тем более сильное, что в защиту и оправдание реформы Никона пока еще не было сделано ничего такого, что бы хотя отчасти могло парализовать действие противониконовской литературы, идеи и взгляды которой, по тому, без всякой помехи быстро распространялись повсюду и, в связи с живою устною проповедью выдающихся борцов и защитников старины, полагали твердую и прочную основу для возникновения и упрочения в народе старообрядства.

В виду той особой важности, какую имела первоначальная противониконовская литература в деле появления и развития старообрядства, необходимо, хотя бы в самых общих чертах показать, что именно и как говорили первые представители старообрядства против церковной реформы Никона, в чем и почему они находили эту реформу неправою и зловредною.

Основною исходною точкою для противников церковной реформы Никона послужило старорусское исторически сложившееся убеждение о русском благочестии, как высшем и совершеннейшем в целом мире, и о греках, как об утерявших истинное благочестие и допустивших у себя важные латинские новшества.

По мнению противников церковной реформы Никона русское благочестие есть высшее и совершеннейшее в целом мире, вполне доказанное и оправданное исторически. Неронов пишет царю: «о, благочестивый царю, яко законы их (русских святых), ими же они Богови угодиша, и в чудесех велицы явльшеся, тако, яко истинии, прогоняют бесов: мы же сие нетрудно разорити покушаемся. На сих ли возносимся, их же, видим, ты, благочестивый царю, и все правовернии князи, и боляра, и архиереи, и ерей, православнии християня со страхом многим любезносвятыи их мощи целуете, и ракам их касаетися ради освящения едиnorodных наших душ, и яко да молят о нас человеколюбца Бога, да милостив будет намв день судный, — на сих вознестися имамы?» Протопоп Аввакум говорил на собори греческим патриархам: «до Никона отступника в нашей России у благочестивых князейи царей все было православие чисто и непорочно и церковь не мятежна». Дьякон Федор пишет царю: «мощно, крестоносный царю-государь, прочести историю, что о белом клобуке: что глаголи цареградскому патриарху первый христианский царь, и святой Селивестр папа римский и ангел Господень, не сбься-ли то? Вся царства, государь, в конец стекошася, сиречь во твое богохранимое господарство; zde истинная православная христианская вера: не пошто нам искать! — заблудити будет. В Козмографии написано: несть под солнцем такого благочестия и веры правые, яко в

московскомгосударстве, а по иным всем с ересми смесишася и навыкоша дел их». И в другом месте он же говорит: «закон Господень непорочен держаша отцы наша во всей русской земле, и нам той оставиша неприменен, и неизвращен предаша чадом своим, и в том они Богу угодили и спаслися. Без правые же веры невозможно угодити Богу, глаголет апостол Павел... Аще бы вера наша прежняя единая в чем неправа была, или в ней ереси были, то бы святым русским чудотворцем откровено было прежде, с ними же сам Бог беседовал и посещал их явно и пречистая Богородица, и Апостоли Христови, и велели бы исправить». Священник Никита Добрынин пишет: «ведомо тебе, великому государю, яко ветхий Рим падеся аполивариною ересью, второй же Рим, еже есть Константинополь, агарянскимъ внуцы от безбожных турок обладаем: твое ж государство, великое российское царство, третий Рим, и отсюда все христианское благочестие в него едино собрася, и от тебе, благочестивого царя, превеликий Господь господствующих и Царь царствующих Христос Бог наш свой талант с прикупом возьмет... О сем воспомяну твоему христенлобному милосердью, что колико в Троицы певаемый Бог своею милостию в твоей государевой отчине, в велицей России, угодников своих прославил, и многоцелебными их мощми и чудотворными раками всю землю твою, аки небеса многими пресветлыми звездами, украсил, и почтил ю паче всея вселенные, иже неизреченным своим промыслом из Рима белый клубок и угодника своего Антония на камени по водам, аки на колеснице легце прислал, наипаче и Богоматери своея, премилостивые наша заступницы и помощницы Пресвятая Богородицы и Приснодевы Марии иконе, и боготелесней своей ризе благоизволил в царствующем твоем и преименитом граде Москве быти, и источает нам неоскудную свою милость. И по сему, великий государь; Божию призрению и неизреченной его милости разумно есть всем, благочестно живущим, что в российском государстве твоем царстве, истари самая истинная христианская православная вера, апостолы проповеданная и святыми отцы седмию вселенскими и девяти поместными соборы утвержденная, и в Троицы покланяемому Богу до него Никона, бывшего патриарха, благоугодна была. И будет бы, великий государь, отчина твоя, великая Россия, неистинную веру содержала: и то б всеблагий Бог можаше толикую свою благодать и инуде послать». Инок Сергей, с своей стороны, говорит, что когда был в Москве константинопольский патриарх Иеремия, «и той патриарх в российском государстве веру христианскую и благочестие свидетельствовал во своей грамоте сице: понеже убо ветхий Рим.падеся аполивариною ересью, второй Рим, иже есть Константинополь, агарянскими внуцы от безбожных турок обладаем, великое же российское царство, третий Рим, благочестием всех превзыде, и все благочестие в него во едино собрася, и един российский под небесем христианский царь именуется во всей вселенной». Затем Сергей говорит, что когда в Москве был иерусалимский патриарх Феофан, то и он «паки веру христианскую и чин церковный российского государства похвалял». Как и Никита Сергей указывает на прибытие в Русь Антония римлянина, на Христову ризу, и заключает: «и аще бы в России неправа вера была и не почину служили: и то бы не изволил Бог толикой превеликой своей благодати в царствующем граде быти». В пятой соловецкой челобитной говорится: «сами они, вселенские патриархи, прежде бывшии у нас в русской земли, Иеремий цареградский и Феофан иерусалимский и иные многие палестиаские власти о нашей православной вере свидетельствуют списанием,

якоже в книге Кормчей московской печати, лист й5 и 26, пишет сице, что-де у них в Цареграде и Иерусалиме конечное православной верегреческого закона от агарян насилие и погубление, церквам Божиим запустение и разорение, но точию един во всей вселенней владыка и блюститель непорочный веры христианския, самодержавный великий государь царь благочестием всех превзыдет; и все благочество в твое государство едино царство собрашешя, и третий Рим, благочестия ради, твое государство, московские царство, именоваша. И аще бы, государь, наша православная христианская вера не права, то бы и милости и чудес от тех чудотпориых икон не было, и прародителей твоих государей благоверных царей и великих князей, и преподобных и богоносных отец наших Господь Бог во святых чудесы не бы прославил, и вселенские православные патриархи, наипаче же начальнейший и глава всем Иеремия цареградский и Феофан иерусалимский, и иные многие палестинские власти и не бы православные наши христианские веры похвалили».

Как русское благочестие есть высшее и совершеннейшее теперь в целом мире, так и русские церковные книги правы, чужды всякой, а тем более еретической порчи, они святы и непререкаемы. Неронов говорит, что равноапостольный князь Владимир вместе с верою «прият от грек искусных иконописцев, духовных мужей и философов мудрых, ведущих до конца божественное писание и могущих превести со многим тщанием святых книг божественное писание от греческого языка на словенский и вся добре и богоугодно управити, на пользу едиnorodных наших душ. Сие же благоверному и равноапостольному князю Владимиру с Богом совершившу, и радующуся зело со всеми людьми о украшении церкви, потом же вси благовернии цари и великие князи, вашего благочестиваго корене, великими сими в Росии просиявшими святителями и преподобными отцы до конца божественное писание уясниша и тиснению печатному предаша, ко утверждению православной христианской веры, преводяще сих духовными и святыми мужи от греческого языка на словенский: якоже реку досточудным онемь мужем и в добродетельном житии просиявшим, преподобным Максимом греком». Дьякон Федор пишет: «те бо старые служебники не с мордовских, не с черемиских, и не с латинских преложены, и печатаны древле с греческих древних письменных, переведены в добрая времена, до взятая Царяграда и истребление греческих книг и римлян за много лет; по них же служажу и жертву нерочну приношаху преосвященнии митрополити и прочии архиереи Божии рустии до патриархов, потом пять патриархов московских: Иов, Ермоген, Филарет, Иоасаф, Иосиф, и прочии с ними архиереи Христовы и ерей всея русския земли наша по тем же служиша и Господу Богу угодиша, и ни в Чем их не опорочиша». Да и некому было, по мнению Федора, исказать и портить на Руси церковные книги. «А во твоем государстве, пишет он царю, не бывало еретиков прежде, кои бы святые книги превращали и противные в них догматы вносили. И аще быша кую ересь в старые книги вложиша, или противный кой догмат, то бы нам сказали, что ересь и кое слово противно божественному писанию... А Никон, отступник, солгал на старые святые книги, будто в них новоприложено истиннаго в символе... Аще бо на Москве приложили истинного: кто приложил имянем, — царь ли, или святитель кой? и в кое лето? и как тому прелогатаю церковь премолча о прилоге? И аще все люди мертвы быша в то время: тогда буди тако,

яко спящим всем людям в Москве и приложи некто истинного и утече негде. Кто же еще приложи истинного в воскресенских книгах, и кто приложи в сербских печатных многих книгах? Како и тамо никто не уведет? Оле, оболгания вражия!.. О превращении веры ныне всем ведомо есть во всей земли, всякому чину, и деревенским мужам и женам, и дитем их разумно бысть, и вси знают уже от кого учинилося то на Москве, и в кое время и лето, и в книгах написано есть и будет». С своей стороны, и соловецкие челобитчики говорят, что со времен равно апостольного князя Владимира до Никона православная вера на Руси «стояла нерушима и непоколебима и твоему, великого государя, российскому царствию от иноплеменных раззорения и церквам Божиим запустения и еретического раздрания и книгам истребление прародителей твоих государевых и твоими, великого государя, молитвами, не бывало, изменитца у нас в православной христианской вере было не от чего».

Если русское благочестие есть теперь высшее и совершеннейшее в целом мире, и как такое вполне доказано и оправдано исторически, если русские церковные книги вполне правы и истинны, во всем строго православны и святы; то, по мнению противников церковной реформы Никона, совсем нельзя того же сказать о греческом теперешнем благочестии и о теперешних греческих церковных книгах. Аввакум на собор 1667 года говорила греческим патриархам: «у вас православие пестро стало от насилие турецкого Махмета, — да и дивить на вас нельзя: немощни есте стали». И далее Аввакум замечает: «мудры бл...ы дети греки, да с варваром турецким с одново блюда патриархи кушают рафленные курки. Русачки же миленькие не так, в огонь лезет, а благоверие не предаст». Лазарь говорит: «греки приняли три папжские законы: первое — обливатися во святом крещении, второе — знаменатися тремя персты, третие — крестов на себе не носити; последиже и царскую Божию погубиша власть». Дьякон Федор говорит: «а в греках государь-царь, благочестие зело много повредилося от утеснения поганых и от еретического насилование: так стеснены, яко овцы посреде волков, — едва уже дышут. Также у них говорили по дважды и аллилуия, и сложение персть имели яко же мы; но недавно изменили, смущаемые от римских наук... Крещение православного греки ныне не имеют, обливаются вси, а не в три погружения крещаются, еже начало спасению нашему... А в Греции изсякнути вере насилием агарянским: сице писано есть о них, тако и совершается уже у них давно то... И никто же да дивится о сем, яко изсяче у греков благочестие от насилие неверных, по пророчеству царя Константина и святого Селивестра папы римского: о сем пишет во Истории. А ныне, по нужде заблудившеся, живуще посреде многочисленных волков, да и нас ко своей гибели невольню призывают». Священник Никита пишет государю: «а что, великий государь, палестинские власти и вси греки неточию крестное знамение исказили, но и самое свое главное спасение потеряли, еже в крещении по-римски обливаются и покропляются, а в три погружения не погружаются, и в том, государь, шлюся не на инех на кого, но на самех тех всех греков». Соловецкие челобитчики говорят: «а им, государь, грекам православная христианская вера по се время изронить недивно: понеже живут толико множество лет посреде безбожных и поганых турков, во всяком озлоблении и неволе, и православную веру держат дни свои окупаючи; и многие монастыри и церкви Божии у них стали в конечном

раззорении». Инок Авраамий пишет: «тые грецы (от которых русские приняли крещение) не быша в соединении с римским костелом; сии же нынешние грекове прелестницы, причастницы и сообщницы костелу римскому, и ересеначальник приемнецы, проповедники и расширители антихристово царства». У греков «нетокмо святительства не обрящеши, не судя глаголю, но ниже христианства, в несвященных бо церквах обедни служат... Кая во греченях правда, от иссяклой веры римския книги и учения держащих, без антиминов в несвященных церквах литургисающих? И набольший их цареградский патриарх от папы римского проклятого, уже zde в России многим про то достаточно ведомо, — сокраменты принимает и общник и единомудрен еретик, попатель и разоритель священных правил. Греки аще и мнятся держати святую веру православную, но воистину прельщают и обманывают: обливают бо ся в крещении, и не по святых отец житие их, и крестов на себе не носят, и ни следа христинского несть в них во всех, чернцах и белцах, и горше суть татаровей. Понеже оставльше путь правые виры, вдаша себе в еретичество». Не только у греков повредилось и иссякло истинное благочестие, но и все их священные книги испорчены латинами. Дьякон Федор пишет: «греческие книги давно двои стали у них: рукописные старые малые, кои остались не сожжены от римлян, и те правы книги; и другие новые, печатные новые книги греческие есть, иже печатаны по взятии Царяграда, и те растленны суть и римских ересей наполнены. От сея вины учинилося тако в печатных тех книгах: егда греки прибегоша в Рим со старыми своими книгами, кроюще их от турского султана, с них же и наши русские книги переведены, и те книги у греков отняли римляне и на свой язык преложили, а те старые все греческие сожгли, враги проклятые, и с своего языка латинского почали уже печатать греческим языком, смешавше их с своими ересями, и продают их грекам, по градом возяще, еже бы во свое мудрование привести их тем своим вымыслом, яко же и нас никониане ныне. И греки по нужде покупают их, зане печати у них несть и при верных царех не было. А кои греки благочестие хранят чисто, тии отнюдь тех книг приемлют, но препишут старые с нужею и по тех славят Бога. А во Афонской горе 20 монастырей гречею сия и 4 русских, а вси тех книг, сквозь еретическия руки прешедших, не приемлют же». Священник Никита пишет: «а печатано с книг, иже греческая словут, а не печатают их растленно в трех латинских городах: в Риме, и в Париже и в Венеции». Соловецкие челобитчики говорят: «книги, государь, у них греков, кои прежнего благочестивого исправления были, после цареградского взятия отняли римляне, и перепечатали у себя по своему латинскому обычаю, и те им свои латинские книги роздали, а их греческие книги все огнем сожгли. И о сем свидетельствует в книге своей блаженный Максим грек. А у нас, благодатию Христовою, по се время того не бывало. А которые, государь, старые книги у них, греков, ныне еще есть, и те книги от еретиков многие испорчены, насаенно в них много худых плевел: понеже во время тех старых книг в греках еретиков и богохульников и иконоборцев было много».

В виду указанного положения дел на вопрос: чему надлежит следовать — русскому или греческому в делах благочестия — сам собою являлся ответ, что надлежит следовать русскому благочестию, а не греческому. «Где правда? Чему верить? Старым ли святым богословцем и богомудрым мужем, или нынешним пьяным философом, иже чреву

своему служат день и ночь, и сию мудрость от римских богомерзких еретических прияша? спрашивает дьякон Федор и отвечает: «и будет баснословию внимати, и оставя истину и лжи последовати». Никита обращается к царю: «и о государь, наша христианская глава, и вели соборнейшим рассуждением разсудить: чему нам последовать — древний ли святых отец и великих государей, царей и князей, многим книгам и соборнейшим писаниям, или нынешней нововводной и многоложной книге (скрижаль), иже снискана от ведомаго Христова, от жидовского обрезанца Арсения чернца? О, великий государь, попекися добре нашим и душами! Вели о сем разсудить, чтоб нам от тех проклятий душ своих не погубить!» В другом мест Никита обращается к царю: «о, великий государь, вели о сем разсуждение учинить, кому нам последовать: угодником ли Божшиим, или тому ведомому врагу, мотылному столпу, поправшему священство троеженством». И соловецкие челобитчики, с своей стороны, заявляют государю: «аще, великий государь, толикыя и безчисленные свидетельства на нашу православную христианскую веру, яко непоколебимо в православным, догматах и в церковных исправлениях пребывает; то кая, государь, нужда нам тое истинную православную веру, самим Господом Богом преданную, и святыни отцы утвержденную, и вселенскими верховнейшими патриархи похваленную, ныне покинути и держати новое предание и иную веру».

Теперь, по мнению противников церковной реформы Никона, следует учиться истинному благочестию и правой вере не русским у греков, а совершенно наоборот: грекам у русских. Аввакум говорить на соборе греческим патриархам, что у них благочестие стало «пестро». «И впредь приезжайте к нам учитца: у нас, Божию благодарю, самодержество. До Никона отступника в нашей России у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно, и церковь немятежна». Никита, указывая на потерю греками истинного благочестия, говорить: «и твоему, государь, Богом утвержденному государству от тех греков коея истины искать»? Он заявляет: «а вселенские патриархи от великого гонения бесермевска не то едино, но и прочее обычное христианское благочестие истеряли, и ныне нам от них уже нечево искать: был они источник и пресох и сами вельми страждут». По поводу введения Никоном амвонов в русских церквах он замечает: «а что он, Никон, указывала на иерусалимскую церковь и цареградскую, что-де ныне в них таких амвонов нет, во Иерусалиме и Константине-граде и в прочих церквах не то едино, что тех сущих амвонов не стало, но и на верху их крестов несть, — и тому ли нам ревновать?» Инок Серий пишет: «а по отпадении в Риму и по взятии Царя-града от турок есть ли хотя один во святых, кто прославлен в коем граде или монастыре? Но и старых знаменоносцев мощи все истребили и безвестно истеряли, и святые места разорили и осквернили, и книги все истребили и исказили! И чего от них ныне нам принимать? И для чего в российском государстве староутвержденную святыми знаменоносцы веру и чин переменять, и после их переделывать вновь»? Соловецкие челобитчики заявляют: «тебе, великому государю, ведомо и известно: самые лучине греческие учителя, егда приезжают в русскую землю, и не един лица своего перекрестить но умеет и ходит без крестов. А у нас, государь, невежи и поселяне им дивятца и говорят, что-де они, палестинские власти, пастыри и учителя нарицаются и в иную землю учить приезжают, а сами и лику своего перекрестить не умеют, то-де чему нас поселян научити, и какова-де от них научитесь

нам в православной вере исправления... В лепоту убо, государь, призвать (греческим властям) в твое государство, благочестивое российское царствие, самим учиться православной христианской вере и благочестию навикати, яко да довольни будут в своей земле и иных научит»... От начала во святей обители нашей самих тех греческих и русских киевских властей: митрополитов, и архиепископов, и архимаритов, И игуменов присылных бывало много и ныне есть; а присылаются все греческия власти того ради, чтобы им навикнуть у нас в обители православные христианские веры, истинного благочестия и иноческого чина. И аще бы, государь, до сего времени у нас была неправославная вера то бы их, греческих властей, для исправления к нам под начал в Соловецкий монастырь не присылали». Указывая затем на предосудительные действия греков еще в древнейшие времена относительно болгар, челобитчики говорят: «посему же и нынешнее их в нашей русской земле греческое учение всякому, здрав ум имущему, разумети мочно, яко учение их несправедно и ложно; понеже бо еще в добрую пору, до турецкого взятия, еще тогда во благоденствии им сущим, толикия в них лукавства, и сребролюбия неправды бяху, и церкви Божии не апостольски снабдваху и православную веру на мзде в нечестие предаваху: то которого нам от них ныне в православной вере хотети доброго исправления, кроме точию еже развращения, а православные веры истребления». Инок Авраамий пишет: «греки (афониты) нашу русскую Псалтирь со следованием сожгли, и книгу Кирилла иерусалимского сожгли, и ныне немало. И какое их ныне православие? Какая ереси нашли во святых тех книгах? А наши владыки ныне у них переимают новые чины и уставы на соблазн всему христианству. Научать их греки и курятели, и табаку пити по еретически».[Сожжение на Афоне русских книг греками, о чем упоминает Авраамий, есть исторический факт. В 1660 году, известный старец Арсений Суханов, сопровождая из Москвы иерусалимского патриарха Паисия, прибыл с ним в Молдавию, и остановился в метохе сербского афонского Зографского монастыря. Игумен и братия этого метоха, которые были сербы, говорили Суханову, что греки-афониты сожгли на Афоне московские печатные книги по следующему случаю: «некто у них был старец честен-сербин, житием был свят и вы всем искусен и леты стар, жил в ските и держал книги московские у себя, и крестился крестным знамением по-московскому, как писано в книге Кирилла Ерусалимского, что напечатана в Москве, да и прочих-де тому же учил». Узнав об этом, греки-афониты призвали старца на собор к ответу и называли московские книги еретическими. И он им говорил, что есть у них книги старинные сербские письменные, а в них-де писано о крестном знамении так же, как и в московских. И тое-де книгу письменную, сыскав, принесли на собор и спущали с московскою печатною книгою, и все-до сошлось слово в слово против московской печати, а та-де книга, как писана, 130 лет тому». Московские печатные книги и сербскую старую рукописную книгу, в которой тоже заключалось учение о двоеперстии, греки-афониты сожгли, причем главным деятелем в этом был ахридский архиепископ Даниил, который в то время случился на Афоне. Суханов собрал от очевидцев точные сведения о сожжении русских книг на Афоне, и так как Даниил ахридский в это время находился уже в Молдавии, то он и был привлечен к ответу иерусалимским патриархом Паисием, которому жаловался на него Суханов. Даниил, уличаемый очевидцами, в присутствии патриарха, Суханова и других, дал такое показание: «было-де во Афонской горе так, собрал вся старцы на

сербского старца, Дамаскина именем, что он крестится не по-гречески и иных тому учит, и того-де старца, поставя на собор, допрашивали, — откуда он тому научался? И он-де указал на сербскую на письменную книгу, что в ней так писано креститься. И тое-де книгу, взем у него, сожгли, а та-де книга старинная сербская, тому 130 лет как написана, и тому-де есть письмо, зде прислано из Афонской горы к митрополиту Стефану Торговицкоиу». С своей стороны и старец Чудова монастыря Пахомий, также, как и Суханов, сопровождавший из Москвы иерусалимского патриарха Паисия, доносил государю: «а за крестное воображение и за книги, которые пожгли (на Афоне), говорил вопреки, и против правил святых отец стоял святяя Афонския горы старец Феодор, житием духовен, и греческие, государь, старцы хотели иво убить до смерти». Григорович, при посещении им Афона, в одной книжн Хиландарского монастыря прочел заметку, что в 1650 году, когда на Святой горе происходили прения о крестном знамении, «сожогоша книги московские на карчихах греци и духовника Дамаскина, и попа Романа, и ученика их Захарию в темнице затвориша и глобиша их 60 гроши. Оле беда от лукавого рода гръческого, Мца маиа ки велие бесчестие сотвориша восем серблем и болгарам».]

Но если русское благочестие есть высшее и совершеннейшее теперь в целом мире, тогда как благочестие современных греков более чем сомнительно; если русские книги вполне правы и их никогда не касалась рука еретиков, тогда как греческие книги испорчены и искажены еретиками, которые их печатают; то понятно само собою, что Никон, исправлявший русский обряд и книги по современным греческим, т. е. исправлявший несомненно и строго православное русское по очень сомнительному греческому, естественно и необходимо являлся, в представлении противников его реформы, сознательным раззорителем русского чистого православия, злым еретиком, слугою антихриста. Таким действительно и представляют Никона все противники его реформы. Дьякон Федор, например, говорит: «но и от всепагубного сына геены, пагубного со суда сатанина, явльшагося в своевремя настоящее, о нем нее вам реку, Никона еретика, адова пса, з;лейши и любесем: они бо, аще и зли суть, но на благочестие не возмогаша, но сами спяти быша и падоша, сей же положи всю вселенную пусту и грады огнем неверия зажже, паче же богоборство воздвиже и гонение велие и благочестию кончание сотворил... Явился еси (Никон) миру тщеславием своим мудрейши всех святых отец греческих и словянских, и за ту гордыню свою безумную, яко сатана, проклят еси от Бога и всех святых его, и с последующими плотскому твоему мудрованию... Лучше бы тебе, паршивому пастуху, почивати на отеческих уставех и не прелегати бы предл вечных». Аввакум, как мы видели, называет Никона то «злодеем», то «еретиком», то «богоотместником» и т. под. Авраамий называет Никона еретком, лютейшим всех древних еретиков, волхвом и чародеем, иконоборцем, предтечею антихриста и т. под..

Будучи элым еретиком, Никон успел прельстить и склонить на свою сторону царя и всех властей. Дьякон Федор говорит; «Никон враг ту смуту (троеперстие) ввел, и царя государя и властей всех страхом и клятвою прельстил... А Никон, отступник, солгал на старая святые книги,... и тою лжею царя окрал и обманул, яко дьявол, и властей всех малоумных прельстил, яко лисица младых и неученых псов, зане не умели огласить его словом

истины, но онемоша, понеже меч духовный не готовь имеша... Царь Никону молчаше, понеже запись ему даде своею рукою в начале поставления его, еже во всем его послушати, и от бояр оборонять и его волю исполнять, яко же прельщенный оный отрок рукописание даде сатане, его же Василий Великий избавил молитвою от погибели тоя — тако омрачи его Никон лесчим некако духом. Царь же Алексей до того окрадения Никонова благочестив бысть зело, и правдолюбив и милостив, того же великохищника Никона, пришедша во овчей кожи, не позна, и не опасесе от лести его, и не возможе от сети его исторгнуться... Самодержец Никону не возбрани; видя мать свою святую церковь от разбойника разоряему, и не зазирает, но паче заступает. Дивлюся помрачения разума царева, како от змия украден бысть! Или реши оно: яко забвение и неразумие на всех хвалится! Человек бо есть!» Инок Авраамий обращается к царю: «како ты прельстил лукавый враг и льстец Никон, мучитель, а не учитель твой? Яко змия Евву прельсти лукавством своим и из рая изгна, тако и он ты прельсти и от лика благочестивых царей отлучи, и яко хобот сатанин отторже ты, пресветлую звезду, от тверди церковные и поверже ты на земное мудрование, О горе и увы—увы! Утреннюю звезду тьма покры! О, царю, как ты прельстил змий плотный Никон? Воистину прельстил ты, и всем благочестивым царек, родителем твоим, и великим князем, прародителем твоим, на смеялся... А ныне, государь, крестное знамение, православное сложение перстов изменил еретик, новый отступник, Никон, и глупых епископов прельстил, а святых оболгал лестно». В другом месте тоже об архиереях он пишет: «ох, увы, прелести еретическия! Да наши беднии епископы и к сему руки своя приложиша Никонову окаянному мудрованию, мню, яко не хотяше лишиться чести маловременные и за церковь Христову пострадати, любо, плотии, или яко пси немии, не могуще лаяти на еретика Никона и отступника. Аможе он, яко слепых, водяше, туды в путь и идяху, и ни в чем не сопротивляхуся, яко скоти безсловеснии. В одном месте Авраамий даже уверяет, что будто бы Никон, в видахклонить епископовна свою сторону, подкупал их. «На цене продал Никон веру христианскую, говорит он, рук ради по сту рублев коемуждо епископу дарствовал за молчание, кроме Павла епископа, иже от него и убиен бысть».

Бели Никон есть новатор и еретик, если его реформа грозить гибелью православия на Руси и даже в целом мире, — так как четвертому Риму не быть; то понятно, что задача всякого истинно благочестивого русского состоять в том, чтобы не только твердо хранить и держать свое древнее благочестие, не допускать в наследованное от предков никаких перемен и изменений, но и упорно бороться против всех нововведений Никона и его последователей, всячески защищать и отстаивать родную старину, с гибелью которой погибнет православие в целом мире и в нем настанет тогда царство антихриста. За таких именно ревнителей и поборников исторически доказанного и оправданного совершеннейшего русского благочестия обыкновенно и выдавали себя противники церковной реформы Никона, всячески стараясь доказать, что осуждение их, как ревнителей и поборников святой старины, есть необходимо и осуждение этой святой старины, что проклятие, которому подвергают их, неизбежно падает вместе с ними и на всех предков русских и на самых их святых, последователями и подражателями только которых являются они, — противники реформы Никона. Протопоп Аввакум говорит: «что

есть ересь наша или кий раскол внесохом мы в церковь, якоже (ложно говорят) о нас никонианы, нарицают раскольниками и еретиками... Аще мы раскольники и еретики: то и вси святии отцы наши и прежних цари благочестивии и святейшие патриарси таковы суть... Коли нас за старину святую проклинать: ино и отец вам и мать подобает своих проклинати, в нашей вере умерших... Толи наша великая вина, еже держим отец своих предане неизменно во всем? Аще мнится им дурно сие: подобает им извергнута от памяти прежде бывших царей и патриархов и всех русских святых. За что они нам после себя оставили книги сия, за них же мы полагаем душа своя! Аще ли им памяти честне творят и святых русских почитают всех, их же мы уставы и преданы держим: за что же нас мучишь и губишь? Дьякон Федор говорит: «мы вси, правовернии христиане, никакого раскола, ни ереси не вложили в книги и в церковь не внашивали; но за старые книги церковные, за предания отеческая правая стоим и умираем... Никониане, иже нас за старые книги и законы святых отец проклинают, учителей наших и наставников, им же повели нам апостол повиноватися и покорятися, и на скончание жительства их взирати, подражати вере их. И аще их проклинают с нами, то убо святых апостол и самого Христа проклинають». Лазарь говорить, обращаясь к государю: «мы, богомольцы твои, во святую церковь ничто же вносим, или износим, вся преданная нам законом и пророки и евангелисты приемлем, и чувствуем и лобызаем, и ничтоже сих дале ищем, и предлвечных не прелагаем, яже положиша отцы наша: не беша бо тии глаголющи, но и Дух, иже от Бога Отца... Мы держим святая книги и закон прародителей твоих, и ничего во святую церковь не вносим, ни износим, что приняли, то и держим неизменно». Соловецкие челобитчики пишут государю: «мы, богомольцы твои, предания апостольского и святых отец изменить отнюдь не смеем, бояся Царя царствующих и страшного от него прещения и хотим вси скончатися в старой вере в которой отец твой, государев, благоверный государь, царь и великий князь Михаило Федорович всея Руси, и прочии благоверные цари и великие князи благоугодне препроводиша дни своя: понеже, государь, та прежняя наша христианская вира известна всем нам, что богоугодна, и святых Господу Богу угодило в ней многое множество, и вселенские патриархи, Иеремия и Феофан, и прочия палестинския власти, книг наших русских и виры православные ни в чем до сего времени не хулили, наипаче же и до конца тое нашу православную веру похвалили, и тем их свидетельством известно надеемся в день страшного суда пред самим Господом Богом не осуждены быти, наипаче же и милость получитьи». Инок Авраамий пишет: «и како убо, государь, толик облак свидетельств призрети, а единому Никону со Арсением еретиком поверити? Како убо ныне москвитяне и вси великороссияне, по приняли правыя веры сионския седмое сто лет, и к концу прииде, а ныне они нас учат новой вере? И в коем благочестии родилися, и чему училися, и учили коей вере, и в ней воспитани быша сами, и отцы отец их, а ныне за ту веру кланут непокоряющихся их прелести и царскому другому суду отдают и кровь христианскую вкупе проливают».

Таким образом противники церковной реформы Никона усиленно старались вытеснить и доказать прежде всего то общее положение, что реформы Никона, имевшая в виду особенности русского обряда согласить с тогдашним греческим, русские церковные книги

исправить по греческим, были неправы принципиально, по самому существу дела; что их противление Никону мотивируется единственно преданностью и ревностью к исторически доказанному и историей оправданному русскому благочестию, которое новатор Ни кон, увлекаясь очень сомнительным греческим, стремится исказить и даже совсем уничтожить; что преследовать и проклинать их за борьбу и защиту ими старых церковных верований и установлений, значить отказываться от своей собственной святой старины, значить, в существе дела, проклинать самих русских угодников Божиих.

Но указаниями только на принципиальную несостоятельность церковной реформы Никона ее противники не довольствовались, а переходили от общих положений к критической оценке всех частных и подробностей реформы и, из рассмотрения их, опять приходили к заключению, что церковная реформа Никона неправа, а права та святая русская старина, закаторую они борются с новатором Никоном.

На вопрос: чем руководился Никон при исправлении церковных книг? — его противники отвечают: полным пренебрежением к родной святой старине, личным произволом, внушаемым ему его высокоумием и самомнением. Аввакум говорить: «как говорил Никон, адов пес, так и сделал: печатай, Арсен, книги как-нибудь, лишь бы не по-старому — так су и сделал». Дьякон Феодор говорить: «всю пестроту собрал окаянный своеумием, а людям сказуя ложно, будто в греческих книгах справил все слово в слово... явился еси миру тщеславием своим мудрейши всех отец греческих и словенских... Той стих (*Видехом свет*) поется на Троицын день на литии, и той он стих приложил петь на литургии с хульными непщеванием на святых русских святильников, бутто они, живучи в Руси, потеряли веру, и без правыя веры так спаслись, а он, будучи в патриархах, обрел веру истинную». Священник Никита говорить: «еще же и тщится славы ища, что будто бы старые служебники были неправы, и будто он, Никон, истину снискал, и будто в твоём государстве российском царстве веру исправил и изъяснил, и будто он новый богослов и литоргий творец, и в российском государстве бутто лучше и мудряе ево никто не бывал, и будто все русские чудотворцы и писания с ево, Никоново, не знали». Никон стал, говорить Никита в другом месте, «всю землю переучивать, будто в велицей России прежде бывшие святители и в об российские чудотворцы писания с ево, Никона, не знали, и бутто он все превеликой твоей государевы орды мудрее». Соловецкие челобитники в одном месте замечают: «то напечатали они (в новоисправленных книгах) от своего растленного ума на смех и поругание Божия имени».

Доказательства того, что Никон исправлял книги очень небрежно и даже произвольно, его противники видели прежде всего в несходстве между собою исправленных при Никоне книг разных выпусков. Дьякон Федор говорить: «шесть выходов служебников новых, а меж собою несогласны. Тако же и прочия книги новыя». «Сами же опять говорить он, положили в новых книгах во всех, во псалтырях же с воследованием, и во ермолях, и в триодях, и в часословах: аллилуиа, аллилуиа, слава тебе Боже; а во втором выходе новых же триодей написали, осмеляся, по трижды уже. И то, государь, не пестрота ли и не на песце ли основание свое полагают, вертяся так и сяк?» Когда Никон оставил

патриаршество, он по словам Федора, в Иверском своем валдайском монастыре «повелел печатать часовник по старому уставу и обычаю, и те часовники его виде аз, по его благословию печатанныя там о словами в четверть листа, в них же уже; и в Духа святого Господа, истиннаго и животворящаго, и прочая вся в них по старому слово в слово». В другом месте Федор замечает: «стих: благословен грядый во имя Господне. Бог Господь и явися нам, отверг в первых новых служебниках; а в старых везде той стих есть, и в новых иных опять положили его со оговором, и ныне поют его вси». Священник Ни кита пишет: «и то, государь, в тех Никоновых служебниках кая истинная правда, что во едином служебнике указ со указом не согласуется, и те служебники сами ся ратуют... А во время спускания частей с дискаса в потир напечатано вновь тропарь пасце: Воскресение Христово видевшие, да от канона девятой песни два стиха. А в ево же Никоновых служебниках иного выходу того тропаря и стихов нет. И в толковой ево Никонове книге нет же. И по сему, государь, изящно ево никонианския самоизвольныя затейки познаваются. А буде бы он, Никон, истину снискал, и то б во всех своих служебниках единочинно и постоянно велел печатать. Да в тех же служебниках вновь напечатав стих: Видхом свет истинный. И то, государь, напечатано с польских служебников, а не от предания богоносных отцов. И в том он, Никон, обличается своими жеслужебникиисвоеюСкрыжалью, что тово стиха инова выходу в служебниках нет, и в толковой ево книге Скрыжале нет же. И будет бы он, Никон, истинствовал, и он бы те служебники велел постоянно печатать и с толковою бы своею книгою не разгласовался. Шесть бо выходов ево Никоновых служебников в русийкое государство насильством разослано: а все те служебники меж собою разгласуются и не един со другим не согласуются». Священник Лазарь пишет специальный трактат «о несогласии самих с собою новых книг и о неправых в них догматах и хульных словах». Инок Амвросий пишет государю; . послушай, Михайловичу о новых служебниках, иже при Никоне богоотступник и после его отречения и изникновения: по се время выходов до осми было, а все меж собою несогласны».

Никон несправедливо заявлял, что будто бы он только исправлял погрешности в старых книгах, в действительности он не исправлял их, а прямо переделывал. Никита говорить: «ведомо и самому тебе, великому государю, что в тех Никонова повеления новопечатных книгах нет ни единого псалма, ни молитвы, ни тропаря, ни кондака, ни седална, ни светилна, ни богородична, ниже в канонах всякого стиха, что бы в них наречие не изменено было; но всячески хитрословлено, и искажено, и перемешано, и многие службы и каноны и молитвы после святых богословцев претворены вновь, и в тех же случаях чиновные действия и ектении напечатаны непостоянно: в той книге напечатано тако, а в иной инако, и предние стихи ставлены на последни, а последнее напреди, или в середине; и кои потребы и молитвы к христианскому строению были потребны, и от тех много нарушено и в то место вновь, кои непотребны, напечатаны». Лазарь говорить: «нынешние мудрецы немало что, но много — не оставиша бо во всех книгах ни одного слова, еже бы не переменити, или не преложити. И, гордо хвалящися, глаголют, яко ныне обретохом веру, ныне исправихом вся», Федор говорит: «и всякий псалом и всякая молитва, и всякий стих испревращено и искажено». Он признает, что и в старых книгах есть ошибки и что их

следует исправлять, но иное дело исправлять, иное — заново переделывать. «А письменныя книги прочтох, идеже видех их, говорить он, и иного искажены, — в тоя так, а в иной инаково о святом Духе... Не диво то, еже в старых книгах какія описки бывають и есть, и тому бывает правое рассуждение. Ово бо опись, ово же превращена и пременение книгам к догматам церковным. За опись бо кую в книге какой ни есть и погрешное слово не подобает нам ни спиратися, ни стояти, а за превращено книг старых и догмат правых измените, подобает всякому христанину и страдати и умирати, обаче с разумом, испытав вещь всякую опасно писанием святых отец». Соловецкие челобитчики заявляют государю: «да они же, государь, в покаянии и исповеди и псалмы и молитвы исповедником и над умершими прощальныя и разрешительныя молитвы, и величания на все господския праздники и святым оставили, и все действо в божественных службах творения Василия Великого и Ивана Златоустого и Григория папы римского преложили на свой чин по своему плотскому мудрованию. Також и прочее церковное пище, заутреню и вечерню, и павечерню, и полунощницу, и молебны, и панихиды, и вкратце рещи — весь церковный чин и устав, что держит церковь Божия, то все переменили, и книги перепечатали не до преданию святых отец, и всю православную христианскую веру испревратили на свой разум».

Изменения и переделки, произведенные Никоном в старых книгах, не улучшали их, а только искажали и портили. Никита говорит: «а что он, Никон, в прочих своих новопечатных книгах словенское наречие превратит и будто лучше избирал, печатал вместо креста — древо, вместо церкви — храм, вместо тельца — тельцы, вместо обрадованная — благодатная, и прочие речи изменил: и то ево изменение само ся обличаете, — посему, что крест ли лучше и честнее глаголатя, или древо? и церковь ли честно писатя, или храм? Ей, всяко речется, что крест честнее древа глаголати, а церковь — храма. И в писании крести церковь под титлом пишется, а древо и храм без титла. А что он вместо обрадованная — благодатная напечатал: и о той, государь, архангельской речи истое во евангельских толкованиях свидетельствует сице: то бо есть обрадоватися, еже обрете благодать пред Богом и еже обрести радость от Бога». Никита указывает далее, что Никон во всех «новопечатных книгах словенское наречие искажил, — хотя туже речь напечатал, по иным наречиям. Яко же се место: *о Бозе — в Бозе*, вместо: *о Христе — во Христе*; вместо: *о Господе — в Господе*» и т. д. выписывает подобных замен целые страницы. Дьякон Федор говорит: «а еже мнятся исправляти, государь, искрив ля ют паче, а не исправляють и подкопывают и крадут церковное богатство... Ныне, государь, не оставили во всех книгах ни единого словечка, еже бы не пременити или и преложити. А все напрасно, ни единыя вини обрешетше, ругающесе непорочным книгам и народ рассевающе. Где *церковь* была, тут *храм*, а где *храм*, тут *церковь*; где *отроцы*, тут дети, а где *дети*, тут *отроцы*; где *перворожденна из матери*, тут *первородящася материю*; И где было: *от него же всяк живот вдыхается, якоже о Отце, купно же и о Слове*, вместо того: *от него же всяко животное одушевляется, яко же во Отце, купно же и Слове*. И чем сие оного лучше? Что во Отце оживляется и Слове? Мне мнится сие лукавство». Соловецкие челобитчики идут в свих обвинениях далее. Они говорят: «а иные поло жены в тех новых службениках смехотворныя и неподобныя бездельныя речи, на поругание тая

божественная служба, их же срамно и глаголати, и напечатали в служебнике крупной печати, на листу 262, сице: священник входил во храм и, совокупився с диаконом, глаголют вход: и то их смехотворство положено вново, зло неподобно и безместно, понеже совокупление именуется мужеско и женско. И то напечатали они от своего растленного ума на смех и поругание Божию имени; а в старых, государь, служебниках отнюдь таких неподобных речей не обретается». Указание Никона на то, что он исправлял старые книги в древних греческих харатейных славянских, по мнению противников его реформы совершенно неверны, так как ближайшее сличение новоисправленных книг с древними греческими харатейными славянскими решительно говорит против Никона. Этими сличеньями, с славянскими харатейными списками, особенно усердно занимался дьякон Федор, который по этому поводу заявляет следующее: «указывал и ссылался он льстец (Никон) на харатейные русские книги и греческие, будто с тех справил и перевел символ новый и прочия вся своя новводные догматы. Аз грешный диакон, зело трудился о сем, искал и прочитал многия древние харатейные книги, и гоних Никона по следу, как пес волка и лиса лукавого, и везде обретох его лукавнующа в завете Господни и святых пределы преступивша и сожгаша: во всех бо книгах древних символ веры по-старому стоит, и есть в старопечатных книгах московских, и во иных землях тако и донныне суть. Везде бо символ исповедания стоит право, сице: и во единого Господа Иисуса Христа, а не в Иисуса; рождение, а несотворенна; его же царствию несть конца. И тако суть во всех книгах рукописанных, их же виде, за 400 лет и за 500 лет кои писаны. К в печатных всех тоже суть слово в слово, — и в киевских, и в сербских, и в болгарских, и в острожских, идеже библии старья печатаны. Вся сам видех и прочтох, и Бог свидетель, яко не лгу. Того ради и страдати начал и кровь свою проливати: дах бо два языка на отрезание царю Алексею Михайловичу и руку свою на отсечение за крестное Христово знамение в сложении перстов и за прочия законы святых отец наших, о них же известно испытах и изыскать прилежно». В частности Федор указывает, что Никон исправил книги несогласно с древними сербскими и греческими, на которые он ссылался ложно, Федор, например, говорить: «аще бы в одних наших московских книгах символ был с *истинным*, а в иных бы землях в книгах не было нигде: и в Духа Святого Господа *истинного* и животворящего; то бы аз, яко человек, соблазних бы ся не глаголати *истинного*. Но сам виде прежде нас веровавших христиан книги сербские у священника черного Мардария сербские земли, — 145 лет как печатана, и иные де есть и по пяти сот лет — и в Духа святого Господа истинного. И митрополит сербский же Феодосей сказывал игумену Сергию пресвятыя Богородицы Толгского монастыря, что есть де у нас за пять сот лет такая книга: и в Духа святого Господа *истинного*. И острожские сам видех: такожде». В другом месте Федор свидетельствует: «бысть на Москве митрополит сербский Феодосий, во 173 году, и у него аз, диакон Федор, видел их псалтырь со воследованием печатную, полудестовую, 140 лет ей бысть по то время, как печатана, и в ней вся та видех о символе, и о прочих нужных спорных статьях, и вельми возрадовахся о Господе истинном Дусе, и по страдах за него, небесного царя». О несогласии новоисправленных греческих книг с древними правыми греческими книгами Федор говорит: «зде же в краткости словес возвешу тебе, государю, несогласие пестроты их и противление непорочным книгам сторопреведенных с *греческих непорочных еще*, а не с нынешних, кои меж собою

разликуют, иже мощно сие всякому знать. В первых выходах не положено стиха сего, еже есть *Благословен грядый во имя Господне, Бог Господь и явися нам*, егда речет иерей: *со страхом Божиим и верою приступите*. Да и написали сами: нет-де того стиха в греческом, с коего перевели. А в древле переведенных, государь, тот стих есть во всех служебниках, и в греческом том был тогда, с которого старыя переведены, и в Киприановском переводе есть. Да в новых же выходах *опять положили* тот стих: *благословен грядый во имя Господне, Бог Господь*; а сослался в том на толкование литургии, собрате иерее Иоанна Нафанаила, что в Скрыжале новопереводной же, — там де указано петь: *благословен грядый во имя Господне и прочая*, и в словах Златоустовых есть де той стих, и конечно де оставить нельзя и надобно тому быть. И посему, государь, знатно, яко служебник тоя порочен, с коего нынешняя перевели, с толкованием греческим же несогласен... В новых часословцах запов Богородице: *Пресвятая Богородице спаси нас*; а после того в новых шестодневах, с греческих же перевели, и там: *Пресвятаягоспоже Богородице спаси нас*. Из подобных сличений Федор выводил заключение, что Никон «и на греческая книги ссылался ложно». По мнению Федора новоисправленные книги несогласны с харатейными русскими. Доказывая, что (достойно и праведно) есть поклоняться составляет в новоисправленных книгах прилог, Феодор замечает: «аз же убогий богомолец твой, шлюся, государь, яко не есть того прилога в старых служебниках печатных или письменных, в Златоустове службе, на кои и Никон ссылался будто, нет ни в Алексеевском служебнике, святого митрополита и чудотворца, ни в Сергиевском святого чудотворца, ни в Киприановском, и иных отнюдь нет. Мнится ми, государь, Никон патриарх для прилики на сих святых ссылался, хотя свой разум составить и церковь тем разодрати, а приликою старыя непорочныя служебники похулив, откинути. Все, государь, сии святых служебники отнюдь с новыми не согласуют много, ни в чинех священнодействия, ни в речах словес много со старыми согласнее печатными». С своей стороны и соловецкие челобитчики находили новоисправленные книги несогласными с имеющимися в их монастыре древними списками богослужебных книг. «Молитвы архиерейския, заявляют они, выкинули все: а у нас, государь, в твоём царском богомолье, в Соловецкой обители, в харатейных служебниках, кои писаны лет по пяти и по шести сот и болши, а молитвы архиерейския во есть, и с Никоновыми служебниками ни в чем сходятся, а с нашими печатными во всем согласны; якоже, государь, и бумажные старинные служебники, кои писаны лет по триста и болши, по которым служили при Зосиме чудотворце и при Филиппе митрополите, и те с Никоновыми несходны же ни близко... Да в тех же, государь, новых никоновых служебниках, в предисловии, лист 20, напечатано про чудотворца и начальника нашего Филиппа, митрополита московского и всея России, аки истинная правда будто он служил по таким служебникам, каковы ныне, при Никоне патриархе, вышли: и то нам всем явно, что па него написано напрасно, понеже он, отец наш, пришел в Соловецкую обитель великих чудотворцев Засимы и Савватия от младых ногот, и жил до игуменства и во игуменах многа лета, даже до возведения ни архиерейский престол московского царства, и книги его ныне все и служебники у нас, в Соловецком монастыре, в книгохранительной казне, кои были до него, и при нем, и после его есть, ни един с теми Никоновыми служебниками не согласует». Инок Авраамий, в челобитной к государю, делает такое замечание: «да они

же, Никоновы ученицы, напечатали в ермолае к трисвятому с прибавком, сице: сила, святой Боже, святой крепкий, святой безсмертный помилуй нас. И то, государь, приложили они отнюдь не делом же, на великий разврат соборней и аностольстей церкви и на по гибель душам христианским, не против греческих и русских харатейных книг. Понеже, государь, и в греческих книгах то трисвятое с нашими русскими книгами он в чем ни разнится же, и написано по их греческому языку без прибавки сице: агиос о Феос, агиос исхирос, агиос афанатос елей совомас (?), а нашим языком: святой Боже, святой крепкий, святой безсмертный, помилуй нас. А силы в том греческом трисвятом не написано. Затевают все собою, и указываюсь на греческия книги ложно».

Несогласие исправленных Никоном книг с древними правыми греческими книгами объясняется по мнению противников церковной реформы тем, что Никон исправлял книги если и с греческих, то с новых, испорченных еретиками. Дьякон Федор говорит: «прокаженный книги латиногреческия печатныя Никон посылал покупать тамо, и купил их на многия тысячи сребра. И с тех новогреческих печатных книг печатал он на Москве новыя нынешния книги: потому они и несогласны со старыми нашими. Арсений грек, враг Божий, научил его, Никона, покупать те книги греческия, он переводил их на наш язык словенский, и тем они разврат велий сотворили во всей русской земле по всем церквам, и тем Христа Бога нашего прогневали, и на весь мир много пагубы навели противными книгами и догматы нововводными». В другом месте он говорит, что Никон «книги старопечатныя все охулил, враг, напрасно, и в тех вместо римския развращенныя перепечатал по-русски, и в церковь внесе их со многими ересьюми». Соловецкие челобитчики заявляют: «теми греческими книгами они православную нашу веру истребили до толика, будто и след православия в твоём государстве, российском царствии, до сего времени не именовался, и учат нас ныне новой вере... Те их греческия книги ныне стали всем явны, что они исправлены и от еретиков испорчены: понеже, государь, в наших русских печатных книгах до сего времени, покаместа с греческих книг не печатали, ни которые посылки и зазоры не было, а как почали печатать из греческих переводов, и в тех новых русских печатных книгах объявилось много худых и богохульных и непотребных речей, их же вкратце вмале тебе, великому государю, в сей челобитной выше сего из явихом». Инок Авраамий пишет: «наша российская земля воистину светло во благочестии сияла до Никона патриарха, и с истинных греческих книг древних переведены наша православныя книги, а не с нынешних латинских, иже ныне греки держат, им же справливает папа римский, и в Риме печатают и в прочих римских градех, и к ним, грекам, идут, а оне их держат по нужде, что правых книг взять негде им». И в другом месте Авраамий говорит: «а что ныне греческия книги словут и к нам приходят печатныя, и zde с них переводят книги, и тем веровать отнюдь не подобает. Понеже печатают их еретики в трех градех - в Риме, Парыже, и в Винецеи, греческим языком печатают, но не по древнему благочестию. А у греков печати своей нет, и все у них книги себе покупают печатныя».

По мнению противников церковной реформы если Никон и исправлял книги с славянских, то или с польских, или же и с русских, но «с покидных» и «хромых» книг. Священник

Никита в одном месте замечает: «то, государь, напечатано с польских служебников и русских покидных, а не от предания богоносных отец». В другой раз, указывая на неправоту новоисправленных книг, Никита говорит: «и то все он, Никон, учинил своим развратным вымыслом, собираючи с разных хромых и с покидных служебников и с иноземких, а не с преданных догмат и не с правых служебников, на раскол христоименитой вере напечатано, по научению ведомого христианского врага, жидовского обрезанца, Арсения чернца, чтоб ему Никону в литургии Божии спона и порок учинить». Говоря про чин освящения церкви, Никита замечает: «и то он освящение церкви претворил с лядских требников Петра пана Могилы и с прочих латынских переводов». Делал это Никон, по мнению Никиты, в таких целях: «то явно есть по всему, говорит он, что он Никон, бывый патриарх, нарочно с хромых книг плевелные слова снискивал и в христоименитую веру всевал, чтоб ему како ю смутить и всяко с латиною соединить». Инок Сергей говорит: „да что Никон патриарх уставил в херувимскую песнь, в перенос великого входа, диаконом и священником и святителем говорить титло великому государю: и то он взял с польских служебников и хромых, тамо бо и пановой своих поимянно величают». Откуда Никон мог взять покидных и хромых книг, это в одном месте объясняет дьякон Федор. Он говорит, что кроме подлинного часовника митрополита Киприана существовал еще подметный, «и тот подметный часовник, со иными растленными книгами от преписующих неисксных, поло жен бысть в пустой палате под крыльцом у Благовещенья в сенях, истления ради, по правилом, повелением святейшаго патриарха Филарета. И егда Никон, сокровенный волк, вскочил на патриаршество, тогда он те сокровенныя книги вынял, и в церковь внесе, и аллилуия почал четверити, оттого времени и прочая расколы творити в церкви. Есть убо святого Киприана митрополита остался служебник его руки, писанный, и всем ведомо, яко по тому он сам служил, и тот его киприянов служебник непорочен, и со старыми службами сходен с московскими, а новым всем противен. И тому святому Киприану не последова Никон отступник, и прельщенная от него власти не восхотели того держатися: и то явное блуждение их и противление богоугодным пастырем, древним отцем нашим». Инок Авраамий пишет царю: «он (Никон), государь, символ писал с коих несвидетельствованных книг и пометных письменных, — тут так, уписано, а инде инако».

Исправленный Никоном, указанным образом, церковные книги естественно, по мнению противников исправления, должны были заключать в себе различные неправые мнения. И действительно, по их изысканиям, оказалось, что все те ереси, какие только существовали в христианской церкви с самого ее начала, все они будто бы нашли себе самый радушный прием в новоисправленных никоновских книгах. Целые сочинения написаны были с прямою целию показать: в каких никоновских книгах, где именно и какие ереси заключались, причем доказывалось, что «все новое никонианское мудрование и уложение ложно есть и лукаво, и отеческому писанию противно и богоборно богомерзко есть по всему»; что как сам «Никон мерзок Богу и святым его, таковы мерзки книги и догматы его».

С принятием новоисправленных никоновских книг погибло на Руси православие и нет на

Руси боле истиной церкви Христовой. «О прелесте! восклицает дьякон Федор, понеже еси пестра: зрим церкви стояща, церковныя же разращения всюду стояща. О прелесте! понеже и пестра: церковныя стены созидаются, законы же ее разоряются и злохульно укоряются. О прелесте! понеже еси пестра: иконное поклонение почитается, образы же святые яко непотребны отметаются. О прелесте! понеже еси пестра: причастие, тело и кровь Христову, исповедуют, тайнодействия же ея еретичеством оглаголяют. О прелесте! понеже еси пестра: правоверием нарицается, благоверные же побивются. О прелесте! понеже еси пестра: еретики проклинаются, благоверные же яко враги осуждаются. О прелесте! понеже еси пестра: праздники святые празднуют, начальников же праздников раскольниками называют. О прелесте! понеже еси пестра: мученикам Христовым память творят, веру же их прелестию нарицают. О прелесте! понеже еси пестра: евангелие почитается, благовестие же тьмою нарицается. О прелесте! понеже еси пестра: идольского поклонения гнушаются, разращенные же образы яко святые почитаются» и т. далее. Тот же дьякон Федор пишет: «мы же их (принявших новоисправленные книги) называли прежде сего не раскольниками точию, но совершенными еретиками, и предтечами антихристовыми, зря по делом их; и ныне паче нарицаем их в правду тако... Да не сообщаются со отступниками, и да не ходят к заутреням их и ко всяким службам, разращенно поемым, и да не молятся с ними, запрещенныя ради святых правил». Аввакум писал: «а што много говорить! плюнуть на действо-то и службу-ту их, да и на книги-те их новоизданные, — так и ладно будет. ...Не подобает с вами поганцами (т. е, православными), нам верным и говорить много. Кое общение свету ко тьме, и кая часть верному с неверным, кое общение Христу с велиаром и церкви Божии со идолы».

Вследствие гибели на Руси правой веры и истинного благочестия, благодаря книжным никоновским исправлениям, должно погибнуть и само московское царство, существовать которого тесно связано с процветанием в нем истинного, ничем не поврежденного православия. «Един бысть, говорить Аввакум, православный царь на земли остался, да и того, невнимающао себе, западнии еретицы, яко облацы темнии, угасили, христианское солнце, и свели в тьму многия прелести и погрузили, да не возникнет на истинный свой первый свет правды». Но всей вселенной, поэтому, начинает теперь наступать царство антихриста, так как Москва есть третий Рим, а четвертому не быть: погибнет православие на Москве, значит, погибнет оно уже в целом мире. Аввакум говорить: «мерзость запустения, не преподобно священство, к прелесть антихристова на святом месте поставится, спрячь на алтари неправославная служба, еже видим ныне сбывшееся. Иного же отступления нигде не будет: везде бо бысть; последняя Русь zde.. И се, возлюбленнии, не явно ли антихристова прелесть показывает свою личину?» Дьякон Федор говорит: «видим самое уже последнее время и конец века скоро, скоро приближается. Слышите паки, паки, правовернии братии, яко второе Христово пришествие близь есть. Уже вся отступления совершишася, по писанию, во всех царствах».

Вот к каким безнадежным выводам и заключениям пришли в конце противники Никона, после подробной критической оценки его церковной реформы: православие окончательно погибает на Руси, в ней начинает водворяться царство антихриста,

наступает конец мира. Но эти выводы и заключения построены ими на очень непрочных и сомнительных данных, и потому сами по себе оказываются очень некрепкими и колеблющимися, даже в их собственных произведениях.

На кардинальный вопрос: когда именно и благодаря каким обстоятельствам греки потеряли истинное благочестие и правую веру — противники церковной реформы Никона отвечают очень неодинаково, несогласно один с другим и даже одно и то же лицо отвечало на этот вопрос в одном месте — так, а в другом иначе.

Протопоп Аввакум, на соборе 1667 года, говорил греческим патриархам: «у вас православие пестро стало от насилия турецкого Махмета», а в другом месте говорит, что «Константина царя предал Бог за отступление Махмету турецкому царю, и все царство греческое с ним», и что это отступление греков от православия совершилось еще до взятия Царьграда турками на Флорентийском соборе, когда «приписаша царь и власти гречестии к сему лукавому собору руки своя, сия уставы и в Царьград пришли: оттоле и греки развратилися, и клобуки такие же вздули на себя, и иные догматы Флоренского собора учиниша в церквах своих», так что уже до насилия турок перестали быть православными. Дьякон Федор говорит, что у греков благочестие иссякло от агарянского насилия: «и никто же да дивится о сему, яко иссяче у грек благочестие от насилия неверных». Впрочем еще во время Максима Грека, по мнению Федора, у греков существовало и правое перстосложение и сугубая аллилуйя и что они все это изменили очень недавно, «смущаемы от римских наук». Священник Никита говорить: «а вселенские патриархи от великого гонения бесерменска не то едино, но и прочее обычное христианское благочестие все истеряли и ныне нам от них уже нечево искать», и таким образом признает, что благочестие потеряно греками уже после падения Константинополя, вследствие притеснения турок. По мнению же Лазаря, греки потеряли благочестие и правую веру еще до господства над ними турок, которое явилось как наказание за их отпадение. Лазарь точно указывает, что отпадение греков от православна совершилось именно «в лето 6847-го», и что «от того времени приняли греки три папешкия законы: первое — обливатися во святом крещении, второе — знаменатися тремя персты, третье — крестов на себе не носити. Последи же и царскую Божию погубиша власть. Того ради и погаными турками обладаны». Инок Авраамий говорит, что когда был в Цареграде, незадолго до его падения, преп. Евфросин, «у греков тогда все еще православно было, и по их, врагов, свидетельству и аллилуйи четвероличныя у них не было». Благочестивая вира у греков, по словам Авраамия, сияла еще и в позднейшее время. «Егда в Греции благочестивая вера сияше, говорит он, тогда и огонь от Бога на животворящая гроб низносылашеся, и свидетели тому не един Максим Грек премудрый и преподобный, но и российский послове, посылаемии от самодержавных великих князей и царей, прежде бывших, и знаменитии людие, и Трифон Коробейников и Федор; а оттоле и донныне таковая благодать от греков отъята бысть за нечестие греков». Значит, еще во время посещения святых мест Коробейниковых т. е. во второй половине XVI века, когда турки обладали греками уже целые сто лет, «в Греции благочестивая вера сияше». Православны были и позднейшие восточные патриархи: Иеремия константинопольский и

Феофан иерусалимский. Авраамий говорит: Иеремий патриарх был при царе Феодор, в лето 7097 году, а о кресте не зазирал. При царе Михаиле был патриарх Феофан, в лето 7127 го году, а о кресте такожде не зазирал. И сами они такоже употребляли (т. е. крестились двоеперстно)». Но рядом с этими заявлениями, что православие у греков еще долго сохранялось и после завоевания их турками, у того же самого Авраамия встречаются и другие мнения, опровергающие первые. Так он говорит: «от константинопольской церкви святыня отъята бысть еще пред взятием Царяграда от турок за нечестие греков». В другом месте он говорит: «от римлян привяли греки рясы и рогатыя клобуки, в лето 6946 году, на осмом проклятом Флоренском соборе от римского папы Евгения; а изначала не бысть тако. Тогда же и аллилуию учили возчетверяти». «А греки уже много блудят в вере, еще говорит он; понеже убо некогда, стесняеми от турецкого царя о вере, ютящи бо к своей них вере привести, греки же, нужду видевшие, прибегоша к римскому папе Афесу, еретику сущу; папа же дал им три заповеди: первое — в крещении обливаться, второе — тремя персты креститься, третье — крестов на себе не носити. Они же сицева приемше нужды ради от турецкого дая». Это отпадение греков от православия случилось еще до прибытия Максима Грека на Русь, значить, произошло в конце XV или в самом начале XVI века. Авраамий говорит: «преподобный (Максим Грек) с клятвою писал митрополиту нашему и всему собору, чтобы сяды, к Москве, от греческого патриарха ни попа, ни дьякона не принимали в приобщение. И сие писал преподобный Максим, русскую землю оберегая, ведая подлинно, что у них, в греках, по извещению святого Селивестра папы римского, вера христианская погибла без остатку». Но в таком случае, константинопольский патриарх Иеремия, учредивший у нас патриаршество и поставивший нашего первого патриарха Иова, и иерусалимский патриарх Феофан, поставившей у нас в патриархи Филарета Никитича, никак не могли быть признаны православными лицами, так как в то время у всех греков самая «вера христианская погибла без остатку». Таким образом на очень важный принципиальный вопрос о времени и обстоятельствах отдаления греков от православия, у противников церковной реформы получался совсем путанный и даже противоречивый ответ: греки отступили от православия то еще до завоевана Константинополя турками, то после завоевания, вследствие насилия турецкого, то до приезда к нам Максима Грека, то уже после его приезда в Москву. По мнению же некоторых отступление греков от православия совершилось в самое последнее время пред вступлением у вас на патриарший престол Никона, так что ранее бывшие в Москва восточные патриархи: Иеремия константинопольский и Феофая иерусалимский, были еще строго православны: крестились двоеперстно, двоили, а не троили аллилуию.

[Понятно, почему противники церковной реформы Никона так сильно путались, говорили несогласно друг с другом по вопросу: когда именно греки отпали от православия. Конечно, самый простой и естественный для них ответ на этот вопрос был тот, что греки отпали от православия со времени флорентийского собора, что они, в большинстве случаев, действительно и говорят. Но остановиться на этом самом для них естественном решении вопроса они однако не могли, в виду некоторых обстоятельств уже русской церковной жизни XVI и начала XVII века. Именно: в первой половине XVI века на Руси был и

действовал преподобный Максим Грек, который не только признавался православным, но и богоугодным мужем: на него противники церковной реформы Никона обыкновенно любили указывать и ссылаться как на непререкаемый авторитет в вопросах веры в церкви. А между тем Максима Грека пришлось бы признать неправославным, если бы греки отступили от православия еще со времени флорентийского собора, если бы у них, еще до падения Константинополя, «вера христианская погибла без остатку». Но еще важнее, в этом отношении, были другие обстоятельства: Константинопольский патриарх Иеремия, будучи в Москве, учредил у нас патриаршество и поставил первого московского патриарха Иова. Второй московский патриарх, правильно поставленный, был грек Игнатий, из греческих приезжих архиереев. Как патриарх, хотя и недолго, он управлял всею русскою церковью, и его патриаршая власть признавалась всеми, он даже собирал соборы, на которых, под его председательством, решались некоторые церковные вопросы, каков, например, вопрос: чрез перекрещивание, или только чрез миропомазание следует принимать в православие латинян. иерусалимский патриарх Феофан поставил на Москве в патриархи Филарета Никитича. Из этих фактов относительно самой русской церкви устанавливалось такое положение: если греки действительно потеряли православие еще до падения Константинополя, то отсюда неизбежно получался тот вывод, что наши московские патриархи были поставлены греческими уже отступившими от православия патриархами и значит, вся наша позднейшая церковная иерархия, как ведущая свое начало от неправославной греческой иерархии, как вытекающая из мутного и загрязненного источника, тоже не может быть признана вполне чистою. Нежелание сделать подобный неизбежный вывод и побуждало некоторых, более рассудительных и осторожных противников церковной реформы Никона, признать греческую иерархию конца XVI и начала XVII века православною, а самое время отпадения греков от православия отодвинуть чуть не к самой половине XVII века, причем они однако не объясняли, вследствие каких особых причин и обстоятельств именно к половине XVII века, а не ранее, грекам пришлось отступить от православия.]

Такие же сбивчивые и несогласные между собою ответы дают противники церковной реформы Никона и да более частные вопросы о времени и обстоятельствах появления у греков того или другого отдельного неправославного новшества. Так, отвечая на вопрос откуда и когда именно появилось у греков троеперстие, Лазарь говорит, что оно принято греками от латинян еще до падения Царьграда в лето 6847-е, когда греческий царь «Иван Мануйлович», чтобы найти у папы помощь против гурок, подчинился латинству и принял три папешские законы: обливаться в крещении, знаменоваться тремя перстами и не носить на себе крестов. Инок Авраамий говорит, что троеперстие появилось у греков только во время владычества над ними турок, когда притеснения в вере со стороны турецкого царя заставили греков обратиться за помощью к папе, который и научил их креститься троеперстно. В другом месте он точно определяет самое время появления у греков троеперстия. Именно он говорит: «тамо сия у ни недавно вселилася прелесть, всего осмьдесят лет. А.прежде того отнюдь не было сия, и ни который богословец и учитель церковный не написал нигде; ни предал тремя перстами креститися». Греческие патриархи — Иеремия и Феофан, бывшие в Москве, и поставившие у нас наших

патриархов, еще крестились, по уверению Авраамия, двоеперстно. Дьякон Федор уверяет, что троеперстие у греков появилось благодаря иподьякону Дамаскину, который жил всего девяносто лет тому назад, и что именно от него греки «ту прелесть приняли троеперстную... от его книги прельстились». При этом Федор решительно заявляет, что троеперспе есть армянская ересь, а, значит, вовсе не латинская и к грекам перешла не от латинян, а от армян». «Сложение триех перест, говорить он, армянского мудрования... Злое то мудрование (троеперстие) и неправославно, но арменско есть, богострастное, и Евтиху и Диоскору согласует, отмечающим вочеловечение Христово, и единоволником мудрование сходно». И инок Авраамий, утверждавший ранее, что греки научены были троеперстию римским папою Авесом, конечно увлеченный дьяконом Федором, забывает это свое объяснение происхождения троеперстия от латинян и начинает, согласно с Федором, заверять, что греки стали употреблять троеперстие прельстившись книгою иподьякона Дамаскина, что «триа персты армены еретики крестятся» и что «звать тот иподьякон (Дамаскин) еретик был арменския веры».

Относительно греческих книг дьякон Федор заверяет, что у греков теперь есть двоякие книги: одни — не многие старые, правые, неиспорченные еретиками; другие — печатные, испорченные еретиками, так как прошли чрез еретические руки. «Гречески бо книги, говорит он, двои стали давно у них (греков): рукописныя старыя малыя, кои остались не сожжены от римлян, и те правы книги; и другия новыя — печатныя новыя греческая книги есть, их печатали по взятии Царяграда, и те все растленны суть и римских ересей наполнены... Греки по нужде покупают их, зане печати у них нет и при верных царех не было. А кои греки благочестие хранят чисто, они отнюдь тех книг не приемлют, но препишут с нуждею старыя и по тем славят Бога. И во Афонской горе 20 монастырей греческих и 4 русских, а вси тех книг, сквозе еретическия руки прешедших, не приемлют же». Таким образом дьякон Федор признает, в приведенном свидетельстве, что не все греки отпали от православия, но между ними есть и такие, которые «благочестие хранят чисто». К таким грекам, между прочим, принадлежать иноки афонских монастырей, так как все они не принимают греческих печатных книг, «сквозе еретическая руки прешедших». Но когда ему пришлось коснуться факта сожжения русских книг на Афоне, он уже говорит об афонских иноках другое, что они, «завистливым тьмим духом», не хотели допустить, чтобы кто либо читал на Афон по правым московским книгам, слагал персты по-московски — двоеперстно и других учил тому же правому перстосложению. Полное православие греков афонитов является здесь у него уже сомнительным. Инок Авраамий афонитов прямо признает неправославными. «Да и сие, государь, пишет он, какая правда: во Афонской горе греки сожгли своих святейших патриархов многосложный свиток — книгу, что писан к Феофилу царю иконоборцу, и рукк нему приложили 1465, собравшись вси церковницы, Тогда т же греки и нашу русскую псалтырь с последованием сожгли, и книгу Кирилла иерусалимского сожгли и иных немало. И какое их ныне православие? И какие ереси нашли во святых тех книгах?» Соловецкие челобитчики относительно греческих книг идут далее. Они уверяют, что и старые греческие книги в большинства уже давно были испорчены различными еретиками, которых в старое время так много было между самими греками. «А которыя, государь, пишут они, старыя книги у

них, греков, ныне еще есть, и те книги от еретиков многия испорчены, насеяно в них много худых плевел: понеже во время тех старых книг в греках и еретиков и богохульников и иконоборцов было много». Инок Авраамий, с своей стороны, заявляет, что теперь у греков во обще никаких старых книг уже нет совсем. «Сказано от блаженного Максима, пишет он, что в греках, по взятия Царяграда, великая скудость книжная, и сам он, блаженный Максим, учиться ходил в западныя страны скудости ради книжной. Да и по описанию Арсения Суханова, древния великия обители у них все разорены и живут в них бусорманы: и откуда у них древним книгам быть?».

Очевидно, что противники церковной реформы Никона в суждениях об отпадении греков от православия, о порче, греческих книг еретиками, об усвоении греками еретических новшеств от латинян или от армян, не имели в своем распоряжении каких либо действительных, твердо установленных исторических фактов; очевидно у них не хватало ни знаний, ни умения сколько-нибудь основательно разобраться в этих вопросах и как следует выяснить их своим читателям. Пораженные не сходством тогдашней греческой церковной практики с русскою, новоисправленных по греческим никоновским книгам старыми русскими, не умея понять и объяснить как следует этого явления, — они решили, что только одно русское единственно православно, а все тогдашнее греческое — неправославно, испорчено еретиками. Для обоснования и оправдания этого положения, они искали данных всюду, и находили их в разных сомнительных ходячих сказаниях и слухах (сказание о белом клобуке, рассказы о сожжении всех греческих книг латинами), в подложных грамотах (грамота царя Константина папе Сильвестру), в случайных заявлениях отдельных лиц (греческих патриархов Иеремии и Феофана), не имевших в действительности того смысла, какой им они навязывали, в показании таких лиц, которые давали заведомо ложные сведения. При этом они вовсе не задавались вопросом; насколько правильно и возможно пользоваться такими сомнительными данными, не относились к этим данным критически, не старались определить их действительную историческую ценность, а все принимали на веру и притом так, как желали они. Они искренно верили в несомненность самого факта отступления греков от православия, а о том, как литературно прочно обосновать и удовлетворительно выяснить этот факт, они не особенно заботились, так как, по их мнению, дело по существу было ясно, само говорило за себя, а потому и ненуждалось ни в каких особенных изысканиях, проверках и доказательствах.

Как пользовались противники церковной реформы Никона тем материалом, какой был у них под руками, для доказательства отпадения греков от православия, это хорошо видно из следующего. Все они обыкновенно ссылаются на двух греческих патриархов — константинопольского Иеремию и иерусалимского Феофана, которые, будучи в Москве и поставляя здесь наших патриархов, не только будто бы восхваляли русское благочестие, как высшее и совершеннейшее в целом мире, но и до конца уничили тогдашнее греческое благочестие, признали, что правая вера, во всей ее полноте, сохраняется теперь не у греков, а только у русских. Так соловецкие челобитчики, например, пишут государю: «сами вселенские патриархи, Иеремия цареградский и Феофан иерусалимский, ихже

глаголют всякими добродетелями украшенных сущих, и бывшим им в московском государстве довольно время, от нихже и первопрестольники соборная и апостольская церкви, Иев митрополит и дед твой, великого государя, блаженный Филарет Никитич, в твоём, великого государя, российском московском царствии на патриаршеский престол возведены быша, и видевшие истинную нашу православную непорочную веру, зело похвалили; своуж они греческую вру, от нее же ныне исправления ищем, до конца сами унижили, яко же в книге, глаголемей Кормчей, московской печати, о сем свидетельствует, что де у них во Иерусалиме и во всех тамо сущих восточных странах конечное православная веры греческого закона от агарян насилие и погубление, и церквам Божиим запустение и разорение, но точию един на всей вселенной владыка к блюстителю непорочных веры Христовы христианский самодержавный великий государь благочестием всех превзыде и вся благочестивыя в твое государево едино царство собращеся».

Совершенно справедливо, что разные греческие иерархи постоянно заявляли московскому правительству о крайне бедственном положении православной церкви на востоке, вследствие разных притеснений со стороны турок. Так патриарх Мелетий Пигас в 1590—1593 г. пишет царю Феодору: «восточная церковь и четыре патриархаты православные не имеют другого покровителя, кроме твоей царственности; ты для них как бы второй великий Константин. Посему и мы в нуждах наших, после Бога, взираем к тебе, и если бы не помощь твоей царственности, то, верь православнейший царь, православие нашлось бы в крайней опасности, также как и эта патриархия... Да будет твое царское величество общим попечителем, покровителем и заступником церкви Христовой и уставов богоносных отцев». В другом письме к царю Феодору, в 1593 году, Мелетий пишет: «мы знаем твое священное царство, как предуготованное предведением всевидящего Бога всяческих, знаем и тебя царя, как написанного в книге живых не чернилами, но перстом всевышнего Бога, а вашу церковь, как избранную о Христе до сложения мира, в наследье святых во свете... Горячо заботься о ней (восточной церкви); чтобы она, порабощенная и рассеянная среди ассириян, вавилонян и египтян, не исчезла до конца, подавляемая чрезмерными угнетениями и нуждами».

Так говорил александрийский патриарх Мелетий Пигас в письме к царю Федору Ивановичу. Возможно, что и константинопольский патриарх Иеремия, будучи в Москве, тоже указывал на важное значение для всего православия русского царя, как единого теперь православного царя в целом мире, хвалил и прославлял русских за их горячую приверженность к православию и приблизительно может быть говорил те слова, какие в его уста влагают русские известия. «Во всей подсолнечной, заявлял Иеремия, один благочестивый царь; вперед что Бог изволит, здесь подобает быть вселенскому патриарху; а в старом Цареграде за наше согрешение вера христианская изгоняется от неверных турок». В уложенную грамоту об учреждении в России патриаршества, какая была составлена на Москве от лица греческих и русских иерархов, внесена была и такая речь, будто бы сказанная Иеремиею: «понеже убо ветхий Рим падесея аполинариевою ересью, второй же Рим, иже есть Константинополь, агарянскими внуцы, от безбожных

турок, обладаем; твое же, о благочестивый царю, великое российское царствие, третий Рим, благочестием всех превзыде, и вся благочестивая царствие в твое в едино собрася, и ты един под небесем христианский царь именуешься во всей вселенной, во всех христианах, и по Божию промыслу и пречистые Богородицы милости, и молитв ради новых чудотворцев великого российского царствия, Петра и Алексея и Ионы, и по твоему царскому прошенью у Бога, твоим царским советом, сие превеликое дело (учреждение патриаршества) исполнитца». Несомненно, что речи Иеремии в нашем документе придан очень уже заметный русский колорит, почему она является скорее произведением московского приказного искусства, чем речью греческого патриарха, хотя и в настоящем своем виде, она совсем не заключает в себе того, чтобы Иеремия, восхваляя русское благочестие, в то же время «свою греческую веру до конца уничтожил». Для правильного суждения о московских речах и деятельности Иеремии нужно иметь в виду еще и то обстоятельство, что кроме наших русских официальных правительственных известий о пребывании в Москве Иеремии и об учреждении им у нас патриаршества, сохранились и другие современные известия, принадлежащие, что особенно важно, спутнику Иеремии, монемвасийскому митрополиту Иерофею, и рисующие всю обстановку учреждения у нас патриаршества и деятельность еремии в несколько ином виде, нежели как об атом говорят русские документы. Иеремия, по словам Иерофея, усиленно желал сам остаться патриархом в Москве, и когда это оказалось неудобным, он *против воли* согласился на поставление патриарха из русских. Самая грамота об учреждении патриаршества в России составлена была только одними русскими, и написана только по-русски, как им желалось. Когда дьяк Андрей Щелкалов поднес ее для подписи Иеремии, тот не читая, так как не знал русского языка, подписался под грамотою. Не так относился к делу монемвасийский митрополит Иерофей. Он возмущался неосторожным и несколько легкомысленным поведением в Москве Иеремии, которого, по его мнению, русские просто обманывали и хитростию заставляли делать то, что им хотелось. Он предостерегал Иеремию от необдуманных поступков и сам действовал очень осторожно. Когда дьяк Щелкалов обратился к нему с просьбою подписаться под уложенною грамотою об учреждении у нас патриаршества и сказал, что патриарх Иеремия уже подписался, Иерофей возразил: «что это за грамота, и что я в ней должен подписывать?» Щелкалов ответил: «написано, как вы поставили патриарха и как вы пришли сюда». Иерофей заметил: «приличнее было бы написать ее по-гречески, а не по-русски, да и предложить ее выслушать», и затем решительно отказался подписать грамоту из опасения, *чтобы не разделилась церковь Божия, не настала другая глава и не произошла великая схизма*. Однако Иерофеей все-таки принужден был подписать грамоту. На православном востоке, как и предполагал Иерофей, к поставлению в Москве патриарха отнеслись с нескрываемым неудовольствием и порицали за это Иеремию. Тот же самый Мелетий Пигас, который писал вышоприведенные письма к царю Федору Ивановичу, по поводу учреждения в Москве патриаршества писал в Константинополь к патриарху Иеремии следующее: «я очень хорошо знаю, что ты погрешил возведением московской митрополии на степень патриаршества, потому что тебе не безызвестно (если только новый Рим не научился следовать древнему), что в этом деле не властен один патриарх, но властен только синод и притом вселенский синод; так установлены все доныне существующая патриархи.

Поэтому ваше святейшество должно было получить единодушное согласие остальной братии, так как, согласно постановлению отцов третьего собора, всем надлежит знать и определять то, что следует делать всякий раз, когда рассматривается вопрос общий. Известно, что патриарший престол не подчиняется никому иному, как только кафолической церкви, с которою он соединен и связан исповеданием единой и неизменяемой православной веры. Я знаю, что ты будешь поступать согласно этим началам, *и то, что ты сделал по принуждению, по размышлению, уничтожишь словесно и письменно*. Но так как наши слова не приводят тебя ни к чему доброму, а только к смущению, гневу и их последствия, то я избавляю ваше святейшество от моих упреков и самого себя от хлопот, и молю Бога быть милостивым к вам во всем на будущее время».

Очевидно, что греки совсем не желали и не думали возвеличивать и восхвалять русских на свой собственный счет, никогда не думали уничтожать и действительно не уничтожали своего благочестия, никогда не признавали какую-то неполную чистоту своих православных верований, которые будто бы сохранились теперь у одних русских. В действительности они всегда думали как раз наоборот. У греков существовал взгляд, подсказанный им вековыми традициями и национальной гордостью, которому они старались придать даже канонический характер, — что только древние четыре патриархата (пятый римский) должны существовать в православном Мире, и что все настоящее христианство заключено в пределах этих четырех патриархатов, которые должны находиться исключительно в руках греков. В окружном послании константинопольского патриарха Каллиника, заключавшем в себе соборное постановление по делу синайского архиепископа Анании (присутствовавшего у нас на соборе 1667 года), стремившегося сделаться автокефальным, говорится, что находиться вне четырех патриархатов значило то же, что находиться вне христианства, «внутри бо четырех патриархатов все христианство ограждается», хотя в это время существовал пятый православный патриархат — московский, который, очевидно, на греческий взгляд, был ненастоящий, совсем не то, что четыре древние греческие патриархаты. И ранее обстоятельства вынуждали греков, вопреки их желаниям, учреждать патриархаты — болгарский и сербский, по, при первой возможности, они уничтожали их как учреждения противные национальным греческим интересам. Поэтому и речи Константинопольского патриарха Иеремии о превосходстве русского благочестия в целом мире, о превосходстве русского православия, как более чистого и совершенного, чем греческое, о чем постоянно говорят противники церковной реформы Пикона, простая осторожность требует признать не речами самого Иеремии, а местным московским изданием, хотя и возникшим, вероятно, на основе действительных дипломатично-хвалебных речей грека Иеремии пред русским правительством, от которого ему желалось получить возможно щедрую милостыню.

То же самое нужно сказать и о речах иерусалимского патриарха Феофана, поставившего у нас в патриархи Филарета Никитича. До нас дошла очень любопытная записка современника очевидца о том: «как служил Феофан иерусалимский с русскими

митрополиты и со архиепископы» (в 1619 году). В этой записке подробно описывается, как сам Феофан, и сослужившие ему вместе с русскими греки, делали разные ошибки против тогдашнего русского церковного чина и обычая, и как русские в своей сердечной простоте серьезно поучали самого Феофана и других служивших греков, что и как им нужно делать и поступать, чтобы церковная служба отправлялась по-настоящему, т. е. по-московски, Феофан подчинился своим русским руководителям и поступал так, как ему показывали. Когда, по окончании службы, Феофана из собора до каши провожали служившее с ним русские иерархи он, обратившись к ним, сказал: «просветили де вы меня своим благочестием, и напоили де жаждущую землю водою своего благочестивого учения, и на том де вам много челом бью». Эта полная иронии благодарность Феофана за его просвещение особым русским благочестием и русским благочестивым учением, была принята однако русскими за чистую монету, и они были искренно уверены, что действительно поучили греков и самого иерусалимского патриарха настоящему православному церковному чину, так как греки, наивно поясняет записка, «по греху позакоснели от первого преданного им чина».

Но если греки не могли унижать в Москве и действительно никогда не унижали своего благочестия и веры пред русскими, то как же нужно понимать их усиленный. восхваления русского благочестия и правовая, их признание, что русский царь, единый теперь православный царь в целом мире, служить единственной опорой и защитой всего православия, что без его реальной помощи и покровительства оно может окончательно погибнуть на востоке от турецких притеснений?

Все объясняется, с одной стороны, тем обстоятельством, что разные греческие иерархи и лично и письменно обращались в Москву в качестве просителей милостыни, и, желая получить ее от московского правительства как можно больше, старались, как и всякие просители — милостынесобиратели, всячески угодить и понравиться своим благодетелям, ради чего и говорили по их адресу только одни приятные для русских вещи, старались восхвалить и подчеркнуть их высокие христианские качества и всякие добродетели, чтобы расположить русских к нескудной милостыне своим страждущий, единоверцам. С другой стороны, когда греческие иерархи, являясь в Москву, всячески хвалили русское благочестие, говорили, что теперь только в московском царстве вполне процветает истинное благочестие; то этим они вовсе не хотели сказать того, как это думали русские патриоты, что у греков истинная вера и благочестие уже замутились, не сохранились во всей полноте и чистоте, а только то, что положение православия на Москве во всех отношениях находится в таких благоприятных условиях, в каких оно уже не находится у греков, поработанных турками. На Москве православие может проявлять себя без всякой помехи во всей своей силе и мощи, не только с внутренней стороны, но и с внешней, — русские на началах православия могут построить всю свою частную и общественную жизнь и деятельность, могут придать внешним проявлениям православия всякий блеск и всю полноту и ширину церковного величия, чего не может быть у греков, находящихся под турецким игом. Но это сознание вовсе не означало, чтобы греки при звали по существу, по внутренним, так сказать, качествам русское благочестие в какой-

либо отношении высшим и совершеннейшим чем тогдашнее греческое; им и в голову конечно не приходило признавать, чтобы полное и совершеннейшее православие и благочестие теперь сохранилось только у русских, а не у греков. В этом отношении греки думали как раз обратное русским. Даже о характере благочестия выдвигающегося русского церковного реформатора — грекофила Никона, константинопольский патриарх и собор, как мы видели, составил, на основании вопросов Никона к константинопольскому патриарху Паисию, не особенно высокое представление.

Таким образом противники церковной реформы Никона, когда им пришлось точно и определенно формулировать свои воззрения на современных греков, создать и прочно обосновать свои взгляды на отступление греков от истинного православия, — оказались не на высоте предстоящей им задачи. Они решали вопрос очень поверхностно, разноречиво и даже противоречиво и, в большинстве, очень несогласно с исторической действительностью, которую они или плохо знали, или не умели ею пользоваться как следует. Но если все, сообщаемое ими об отпадении греков от православия, освободить от разных противоречий и несообразностей, встречающихся у отдельных писателей, а их руководящая мысли привести в порядок; то получится следующая теория отступления греков от православия, созданная первыми церковными противниками Никона:

а) Уже древние греки очень падки были на всякие ереси, — у них, с древнейших времен, много было еретиков; царей, патриархов, архиереев и других лиц всяких общественных рангов и положений. В этом отношении даже древние греки представляют полную противоположность русским, у которых никогда не было еретичествующих царей и архиереев.

б) Греки, еще задолго до завоевания Константинополя турками, были уже народом нравственно глубоко испорченным и развращенным. Даже в чисто церковной жизни у них господствовали очень крупные пороки: сребролюбие, симония и т. под.

в) На такой, уже растленной раннейшими ересями и по роками почве, легко было возникнуть флорентийской унии, когда греки, в лице своих высших светских (царя) и духовных представителей (патриарха и большинства бывших на флорентийском соборе греческих иерархов) отступились от родного православия и соединились с латинами.

г) Правда флорентийская уния с самого начала не была принята большинством греческого народа, а потом совсем отвергнута всюю греческою церковью, но она уже сделала в православной греческой среде свое злое дело. Латинство, как тонкий яд, незаметно стало прикипать во все поры греческой церковной жизни, постепенно отравлять ее и переделывать на свой лад. К тому же у латинян явились два могучая орудия для воздействия на греков, — печать и школа, эти два канала, которые непрерывно изливали в греческую православную среду струи латинского отравляющего учения, что и повело к появлению в греческой церковной практике и в самом вероучении различных латинских новшеств.

д) Если латинство действовало отравляющим и разлагающим образом на внутреннюю сторону православие, вводя в православное вероучение латинские новшества, то завоевание Константинополя турками сыграло ту же разлагающую роль относительно внешней церковно-обрядовой стороны греческой жизни и всего церковного быта греков. Турецкое иго не касалось внутренней стороны верований греков, но зато турки раззоряли их монастыри и церкви, воспрещали грекам торжественно и публично совершать различные церковные службы и церемонии, до крайности стеснили и принизили всю вообще их церковную жизнь, которая по необходимости являлась во всем несколько урезанною и умаленною сравнительно с древним временем.

е) Бели латинство и турецкое иго действовали разлагающим образом на внутреннюю и внешнюю церковно-религиозную жизнь греков, то само собою понятно, русским никак не следует копировать позднейшие греческие церковные порядки, что делал Никон, а следует держаться своих русских порядков, которые восприняты нами от греков в лучшую пору их церковной жизни и доселе хранятся у нас в их прежнем неизменном виде. Очевидно измерять наши русские церковные порядки по образцу современных греческих, значить заведомо их портить, а не улучшать.

Изложенная нами теория отпадение греков от православия нигде однако и ни одним из первых литературных противников церковной реформы Никона не была изложена в целом виде, ясно, определено и последовательно формулирована. Они всегда высказывали свои воззрения по этому предмету отрывочно, эпизодически, по тому или другому частному и отдельному случаю, так что исследователю приходится собирать разбросанный в их сочинениях части и из них уже самому составлять стройное целое.

Отрицая церковную реформу Никона, как во всех отношениях бесполезную, несостоятельную и очень зловредную, защитники старины в то же время признавали однако нужду в реформе вообще, но реформе такой, которая была бы направлена только на исправление и улучшение народной жизни, зараженной многими пороками, языческими суевериями и т. под., так что они находили нужным и желали исправлять, как выражается протопоп Аввакум, не книги, а нравы. Точно также защитники старины признавали, что в нашей церковной жизни есть много нестроений и непорядков, требующих исправления. Они, как мы знаем, уже ранге обличали зазорную жизнь приходского духовенства, его небрежное отношение к своим пастырским обязанностям, нарушение им, при совершении церковных служб, устава. Позднее они с особою силою стали указывать на непорядки в самой нашей высшей церковной иерархии и на происходящая отсюда разные прискорбные явления; в церковной жизни. Они смотрели на архиереев как на людей ведущих не монашеский роскошный образ жизни, думающих только о себе и своих удовольствиях, как на людей не следующих правде, допускающих всякие злоупотребления по епархиальному управлению вообще и, особенно, по замещению разных церковных должностей, и в то же время как на льстецов пред царем и сильными мира, готовых, ради личных интересов и выгод, поступиться решительно всем,

даже самым святым. Они собирали, особенно о нелюбимых ими архиереях, всякие ходячие рассказы и сплетни и, не задумываясь, передавали их как исторические факты, — личные нападки на некоторых архиереев были обычны у них. Дьякон Федор, например, пишет: «сами начальники и отступницы (т.е. архиереи) не дверию внидоша во двор овчий, но тако, яко татие суть и разбойницы, по словеси Христову; — прескочиша ограду священных правил: попы бывше в миру, и растленно житие проходяще. Таковых святая правила отнюдь отсекает их не быти епископом мирскому попу постригшемуся; ниже патрахили им прощают наложити, нетокмо па архиерейство дерзати таковым. А они вси мирстии попы бывше, кроме малых; и каковы сами преступницы отеческих преданий и законов, таковых же и в причет постивляюще, неискусных писанию простяков, воров же и пьяниц, и гнустное житие от юности проходящих многих, и детям неискустным вручающе страшное таинство, 9 лет и меньше в чтецы и певцы поставляюще, к таковым блуда исполниша церкви... Во диаконы их 15 лет поставляют, в попы 20-ти лет, овых и меньше! И священная правила вся сие отмещут беззакония и анафемы предают... Сие бо им подобаше исправляти, а не догматы отеческия превращати». Инок Авраамий пишет: «и радуются (архиереи) одеющиеся в брачна цветная одеяния, яко женихи, рясами разнополыми, рукавы широкими, рогатыми клобуки себе и атласными украшающе, скипетры в руках позлащены имуще, воцаритися над людьми хотяще, параманды також златом вышивающе. Се есть монах! се есть учитель! се есть наша вера. Таковии суть ныне законоучители — блазнители и прелестницы!»....

Противники церковной реформы Никона, если и не все, то лучшие из них и более сведущие, тоже признавали порчу старых русских книг и нужду их исправления. Дьякон Федор пишет: «а письменный книги многия прочтох, идеже видех их: и много искажены, — в той тако, а в иной инаково о свягом Духе', и затем указывает на самые разночтения в символе о святом Духе, взятые из различных виденных им книг. К виду этого дьякон Федор не только признавал описки и ошибки в наших старых книгах и нужду в их исправлении, по даже ссорился по этому случаю с Аввакумом (и отчасти с Лазарем), когда тот говорил ему: «ты де старья книги хулишь и переделывать мне велишь, а, я де за них мучуся от никониан давно прежде тебя». Но если Федор не признавал порчу старых книг и нужду их исправления, то он существенно расходился с Никоном, в понимании самого характера книжных исправлений. Федор говорит: «не то диво, оке и в старых книгах какия описи бывают и есть, и тому бывает правое рассуждение и последи исправляется от неикусных мужей. Ово бо опись, ово же превращение и преминете книгам и догматам церковным. За опись бо кую в книге какой и погрешенное слово не подобает нам ни спиратися, ни стояти; а за превращение книг старых и догматов правых изменение подобает всякому христианину к страдати и умираати, обаче с разумом, испытав вещь всякую опасно писанием святых отцев»...

Нельзя не признать того, что противник церковной реформы Никона совершенно справедливо указывали, что вся тогдашняя нравственно-религиозная и церковная жизнь страдала очень и очень многими и притом самыми серьезными недостатками, и что именно она прежде всего нуждалась в исправлении, в реформе, а не книги и обряды. Для

веры и благочестия, для нравственности человека решительно безразлично — крестится ли он двумя перстами или тремя, двоит или троит аллилуию, отправляет ли церковную службу по нопоисправленным или по старым дониконовским книгам: пороки и безнравственность в общественной жизни, непорядки и нестроения в жизни церковной, не могут ни уменьшаться, ни исчезать от того, если мы один церковный обряд заменим другим. Чисто внешняя, церковно-обрядовая реформа Никона несколько не делала тогдашнего общества более религиозным, благочестивым и нравственным; оно и после реформы оставалось при прежних своих пороках и разных недостатках. В виду этого: внешней обрядовой реформе Никона ее противники с полным правом могли бы противопоставить другую — свою реформу, направленную на улучшение народной нравственности, на искоренение грубых языческого характера народных нравов, обычаев, увеселений, на просветление и возвышение всей вообще христианской жизни верующих, на всецелое и всестороннее проникновение ее истинно христианскими началами. В этом смысле и духе они могли бы с успехом выставить свою программу и противопоставить ее программе Никона. Но у них на такое дело не хватало ни правильного взгляда на истинно христианскую жизнь, ни понимание тех причин и условий, благодаря которым и при которых она создается и может существовать, ни умения, исходя из известных христианских принципов, на основании их создать для жизни верующих стройную последовательную систему нравственно-религиозной деятельности. Если иногда они и говорят, что нужно исправлять не книги, а нравы и самую жизнь, то говорит это только мимоходом, в виде эпизодических случайных замечаний, они нигде нарочито и прочно не устанавливают этой своей точки зрения, не развивают и не противопоставляют ее, как более верную и для жизни необходимую, внешне-обрядовой реформе Никона. Они слишком увлекаются полемикой, желанием во что бы то ни стало доказать несостоятельность никоновской реформы, показать и выяснить ее отрицательные стороны, причем совсем опускают из виду положительную сторону своих собственных воззрений, которые они могли бы противопоставить программе Никона. Отсюда и результат их критики получился только отрицательный, а не творчески-сознательный: в жизни не нужно ничего нового, следует жить всегда только старому, ничего в нем не изменяя, — только одно старое полезно и спасительно, а все новое вредно и губительно.

Противники церковной реформы Никона не сумели правильно поставить и выяснить вопрос о книжных исправлениях при Никоне. В исправлении книг при Никоне они хотели видеть сознательное и намеренное искажение старых книг, желание этими исправлениями замутить чистое русское православие, внести в него различные ереси. В действительности, конечно, ничего подобного не было. Никон был такой же строгий поборник и ревнитель православия, как и его противники, он так же далек и чужд был от всякой ереси, как и они. Все различие между ними заключалось только в том, что Никон уверовал в троеперстие как единственно правильную форму перстосложения для крестного знамения, в троение, а не двоение аллилуии, в правильность написания имени Христа «Иисус», вместо прежнего «Иисус», в порчу русских церковных книг и т. под., тогда как его противники: по-прежнему веровали в двоеперстие, в сугубую аллилуию, в писание имени Христа «Иисус» и т. под. Ни каков действительной вероисповедной разности

между ними не было и обе враждовавшие стороны были одинаково православны, одинаково далеки от каких бы то ни было неправославных, а тем более еретических воззрений и верований. Но Никон, как скоро он уверовал в большую правильность троеперстие, троение, а не двоение аллилуйи и под., естественно, как ревностный к процветанию православия архипастырь, постарался энергично реформировать русскую церковную старину сообразно своим новым верованиям, причем Никон вполне искренно верил, что своего реформаторскою деятельностью он только еще более возвышает старое русское православие, несознательно усвоившее было в последнее время кое-что неправое и нововводное в сфере церковного обряда и чипа. В этих именно видах, а не ради своего еретичества, он и начал свои книжные исправления. К сожалению, Никон задачу исправления книг понял не в том смысле, что нужно исправлять в них только ошибки, описки, произошедшие от небрежности или невежества переписчиков, разные темные, неточные и устаревшие слова и выражения, что было бы ему по силам, а значительно шире. Он, вовсе не знавший греческого языка, решил однако делать новые переводы с греческих церковно-богослужебных книг, причем, конечно, сам не мог ни контролировать, ни проверять правильность новых переводов, а всецело зависел в этом деле от случайных переводчиков, которые неизбежно были настоящими господами положение. Главным переводчиком и справщиком книг при Никоне был известный Арсений грек. Защитники старины постоянно и с особою настойчивостью указывают на то обстоятельство, что Арсений грек был еретик, что он научал еретичеству Никона, что он, переводя и исправляя книги, нарочно вносил в них все соблазнительное и еретическое. В действительности же это дело стояло так: Арсений, до своего приезда в Москву, проживая в Киеве, несколько выучился говорить по-малороссийски. Прибыв в Москву будучи сослан на Соловки, он здесь практически выучился понимать русскую речь и говорить по-русски. Как грека образованного и знающего русский язык, Никон охотно сделал Арсения справщиком книг, поручил в то же время ему вновь переводить книги с греческих. Но несомненно, что Арсений, как иностранец-грек, не настолько однако владел русским языком, чтобы постичь все его тонкости, понимать все его особенности и оттенки, уметь всегда подыскать нужное слово, нужный оборот речи, чтобы точно, ясно выразить ту или другую мысль, точно и верно, по строю речи, формулировать известное учение. Многое и, конечно, очень многое для Арсения, как иностранца, оставалось в русском языке непонятым и закрытым, почему его переводы естественно во многом отличались от старых, нередко уступали им в ясности, точности, в уместности того или другого выражения, казались иногда двусмысленными и соблазнительными. Но, очевидно, все недочеты книжных переводов Арсения, следует объяснять не его еретичеством, а его недостаточным знанием русского языка, и умением владеть им, как следует. Другим видным переводчиком при Никоне и после него был Еиифаний Славинецкий. Этот переводчик известен как крайний приверженец буквализма в переводе, — он, в жертву буквализму, приносил ясность и понятность самой речи, сочинял собственные слова, и их сочетания очень искусственные и маловразумительные, лишь бы ближе быть к подлиннику, отчего его переводы всегда неуклюжи, нередко темны и малопонятны, так что смысл некоторых наших церковных песен и сейчас усваивается с трудом. Вполне естественно было поэтому, что переводы книг Арсения и

Епифания иногда действительно во многом уступали старым, ране имевшийся у русских, переводам, и что новоисправленные при Никоне книги способны были вызвать разные недоумения. Нот именно с этой, реальной точки зрения и следовало сторонникам старины критиковать и оценивать книжные исправление при Никоне, совсем оставив в стороне при этом все свои фантастические домыслы о еретичестве Никона, о сознательном и намеренной порче и растлении им старых русских церковных книг. На указанной реальной почве их критика книжных исправлений Никона была бы гораздо убедительнее, действительнее и для всей русской церкви полезнее, чем их странная, но очень ожесточенная борьба против воображаемых ересей, будто бы всюду засеянных в новоисправленных никоновских книгах.

Нельзя не заметить еще и того, что критика противников церковной реформы Никона нередко ведется ими слишком тенденциозно и пристрастно, с явным намерением во что бы то ни стало уронить своих противников., хотя бы средства для этого пришлось употребить и не совсем пригодные. Вот один из примеров подобного рода. Защитники старины в своих сочинениях обыкновенно решительно отрицают авторитета современных им русских архиереев, на том, между прочим, основании, что почти все тогдашние архиереи ранее были белыми священниками, а потом, постригшись в монахи, сделались епископами. Но по церковным-де правилам, говорят они, кто был в миру священником и потом постригся в монахи, уже не может быть священником, а тем более епископом: мирской священник, по пострижении в иноки, обязательно становится только простым старцем и совершать священническое служение не может. Но если это действительно справедливо, то каким же образом возможно было, что самые первые и важнейшие противники церковной реформы Никона: Неронов, Аввакум, Лазарь, Даниил, Логин, за своими руками подавали челобитную дарю, чтобы он, на место умершего патриарха Иосифа, поставил в патриархи своего духовника — протопопа Стефана Вонифатьевича? Каким образом возможно было, что те же самые лица, когда протопоп Стефан отказался от патриаршества, подали, за своими руками, новую челобитную, чтобы в патриархи был поставлен Никон, ранее также бывший мирским священником? Если Никон и некоторые другие современные ему русские архиереи, как бывшие ране мирскими священниками, чрез правила святых отец чин на себя восхищают, не дверьми входят во святую церковь, но дирою влазят, яко татие, если они стали архиереями, действительно «перескочиша ограду святых правил»; то почему же защитники старины признают настоящим патриархом, и чуть не святым — Гермогена, который ранее был приходским священником в Казани, а потом, овдовев, постригся в монахи и сделался казанским митрополитом, а затем и патриархом московским? Значит, в таком случае и патриарх Гермоген «не дверьми вошел на патриаршество, а дырою, как тать, перескоча ограду святых правил»? Очевидно, защитники старины тот порядок, при котором и бывшее Мирские священники ставились в архиереи и даже патриархи, находили вполне допустимым и законным, не видели в нем нарушение церковных правил и обычаев, когда в архиереи ставились их сторонники и единомышленники, какими они признавали тогда и Стефана и Никона. И после только того, как Никон и некоторые другие архиереи отнеслись к ним враждебно и стали их преследовать, они вспомнили, что Никон и некоторые другие архиереи ранее

были мирскими священниками и потому не имели право на епископство. Если бы отношения к ним Никона были другие — дружеские, они, конечно, вовсе не вспомнили бы тогда правила о том, что бывший морской священник никак не может быть патриархом, как они не помнили этого правила, когда рекомендовали в патриархи бывших мирских священников — Стефана и Никона.

Указанная, с нашей точки зрения не очень удачная, критика церковной реформы Никона ее противниками, несколько однако не мешала успеху их литературных произведений, распространению их понимания дела и их воззрений в тогдашнем обществе — их произведения, не смотря ни на что, на многих производили очень сильное впечатление. Это потому, что реформы Никона самым решительным образом ниспровергали исторически сложившиеся народные представления о чистоте и высоте православия у русских, об их совершеннейшем в целом мире благочестии. Они прямо низводили русских, этого нового Израиля, с их прежней высоты, в разряд низших, несовершеннолетних в религиозном отношении народов, для которых нужна еще опека и водительство со стороны, так как предоставленные только самим себе они способны, благодаря своему неразумию и невежеству, принести в свою церковно-религиозную жизнь разные новшества, искажение, чуть не ереси, в роде армянского перстосложения в крестном знамении и т. п. Понятно, как трудно и тяжело было русским признать справедливость этого жестокого, сурового приговора над всею их прошлою самостоятельную церковною жизнью, о которой они доселе имели такое преувеличенно высокое представление; понятно как трудно и тяжело было им снова признать за подозренных ими греков за своих неизбежных, в делах веры и церкви, опекунов и руководителей, их голос, простое указание — за закон для себя, всякое их заявление за несомненную, недопускающую противоречие истину, — и это даже в том случае, хотя бы все родное, вся собственно русская старина говорила иначе. [Соловецкие, например, челобитчики говорят: «греческими книгами они православную нашу христианскую веру потребили до толика, будто и след православия в твоём государстве, российском царствии, до сего времени не именовалось, и учат вас ныне новой вере, якоже Мордву и Черемису, неведущих Бога и истинные христианския православныя веры». Они же заявляют государю: «а ныне, государь, видя весно их греческого учения в православной нашей христианской вере смятение и церквам Божиим неумирение и повсядневное премеменение, многие иноземцы нам насмеваются и говорят, будто мы христианской веры по сю пору не знали, а буде-де и знали, и по ныне заблудили, и о том, что де ваша вера и ныне (книги) все переменены по-новому, и с прежними вашими книгами, кои при прежних царех были, ныне Божии книги ни в чем ни сходяща. И нам, государь, против их ругательства ответу дать нечего, потому что они видят наше непостоянство, поносят нас делом, неточию тем противимся, и от них отходим, и говорим, что у нас истинная православная христианская вера от крещеная русския земли, прародителя твоего государева, благовернаго и равно апостолам в. кн. Владимира, лет с семьсот до Никопле патриаршества и до учеников ево, и до нынешних греческих учителей, стояла нерушима и непоколебима»... Они же, соловецкие челобитчики, заявляют, что их Соловецкая обитель доселе стояла непоколебима и под зазором в православии от греческих и русских

архиерей ни в чем не бывали; наипаче же от начала во святой обители нашей самех тех греческих и русских и киевских властей: митрополитов, и архиепископов и архимандритов, и игуменов присыльных бывало много и ныне есть; а присылаются все греческие власти того ради, чтоб им навикнути у нас в обители православныя христианския веры истиннаго благочестия и иноческаго чина. И аще бы, государь, до сего времени у нас была неправая вира, то бы их, греческих властей, для исправления к нам под начало в Содровецкой монастырь не присылали. И о сем с клятвою вси тебе, великому государю, пишем, и свидетеля Христа Бога на души своя, представляем, яко неточию они, греческия простыя чернецы, по и самыя их на начальнейшия власти, архиереи, кои у нас под началом бывал и ныне есть, нимало истиннаго благочестия и иноческаго чина и церковнаго и келейнаго начала не знают, донележе у нас благочестию навикнут, и лица своего перекрестити по подобию не умеют: а иных старцев гречан привозят к нам без крестов, и кресты накладываем на них zde, у себя во обители».]

Понятно отсюда с какой чуткостью, с каким напряженным вниманием должен был не потерявший веры в свое прошлое русский прислушиваться ко всякому сильному и энергичному голосу тех, которые говорили ему, что в действительности права во всем русская старина, что не только нет никакой нужды отказываться от своего испытанного, исторически доказанного и оправданного прошлого, в пользу более чем сомнительного современного греческого, но что такое отступление от своей святой старины было бы прямо изменою православию, тяжким гибельным преступлением. Понятно, сколько сильных побуждений, как много охоты и желания было у русских верить именно врагам Никона, их глазами смотреть на все произведенные им реформы, тем более, что способ, каким Никон производил реформы, помимо существа дела, уже сильно раздражал и оскорблял народ, искони отличавшийся приверженностью к освященным веками обрядам и обычаям и в изменении их видевший одно нечестие, пременение веры. Сам Никон в речи, сказанной им в московском Успенском соборе при оставлении патриаршей кафедры, так определяет отношение народа к его реформаторской деятельности: «когда я ходил, говорил он своей пастве, с государем царевичем и великим князем Алексеем Алексеевичем в Колязин монастырь, и в ту пору на Москве многие люди, к лобному месту собирались и называли меня иконоборцем, что многие-де иконы я имал и драл, и за то-де хотели меня убить, а я имал иконы латинские, которым нельзя поклоняться, а вывез тот перевод немчин из немецкой земли. И указал в соборной церкви на Спасов образ: мощно-де сему верить и поклоняться, а я де не иконоборец. И после-де того времени называли меня еретиком: овые де книги завел. И то ради моих-де грехов чинится. И я вам предлагал многое поучение и свидетельство вселенских патриархов, и в не послушании окаменением сердец своих хотели меня камением побить». Таким образом, сам Никон, при оставлении им патриаршей кафедры, принужден был с горечью публично сознаться и засвидетельствовать, что паства не понимала смысла и значения его реформаторской деятельности, называла за нее Никона то иконоборцем, то еретиком, а когда он указывал ей на авторитет в церковных делах греческих патриархов, она хотела побить его камнями. Понятно теперь, при указанной настроенности народа, какое сильное впечатление должна была производить на всех обширная антиниконовская литература, которая, к тому же

долгое время ни откуда не встречала себе должного, хотя бы сколько-нибудь соответствующего литературного отпора. В виду этого противникам церковной реформы уже казалось, что скоро наступит новое время, когда новый патриарх отменит все Никоновы «затейки» и на Руси опять водворится та церковная старина, какая была до Никона.